

АЛЕКСАНДРА БРАКЕН

Долгожданное продолжение
«Пассажирки» - бестселлера № 1
The New York Times

Странник

#YoungFantasy

Александра Бракен

Странник

«АСТ»

2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Бракен А.

Странник / А. Бракен — «АСТ», 2017 — (#YoungFantasy)

ISBN 978-5-17-102512-0

Этту и Николаса вновь разделяет время и пространство. Девушке нужно закончить начатое, узнать правду о своих родителях и сделать выбор, способный бесповоротно изменить будущее. Тем временем Николас обнаруживает древние силы, гораздо более пугающие, чем те, с которыми ему пришлось столкнуться, — силы, способные окончательно уничтожить шкалу времени. Из колониального Нассау в Нью-Йорк, из Сан-Франциско в римский Карфаген, из императорской России в катакомбы Ватикана — курс проложен, но конец пути скрыт...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-102512-0

© Бракен А., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Лондон	6
Техас	10
Нассау	11
Сан-Франциско	19
4	24
Нассау	32
6	37
Сан-Франциско	44
8	53
Прага	63
Неизвестно	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Александра Бракен

Странник

© Alexandra Bracken, 2017

© П. Волцит, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Всем, забытым историей

*Ни мне, ни кому другому не одолеть этот путь.
Ты должен пройти его сам.*

*Он совсем близко – лишь протяни руку.
Быть может, ты идешь им с рождения, вот только не знаешь.
Быть может, идет он везде: по воде и по суше.*

Уолт Уитмен

Лондон 1932 Пролог

Когда-то у нее была кукла – с нарисованной улыбкой, светлыми волосами и глазами того же цвета, что у нее самой. Долгое время она была ее неразлучной спутницей: подружкой за чаем, когда Элис уезжала со своим папой; исповедницей, когда Роуз подслушивала родительские тайны; той, кто всегда мог выслушать ее, когда больше никто не хотел. Куклу звали Зенобией – в честь царицы воинов пустыни, о которой рассказывал дедушка. Но однажды, когда Генри Хемлок гонялся за ней по саду, она выронила куклу и, споткнувшись, наступила ей на шею, раскрошив хрупкий фарфор. От жуткого хруста сердце чуть не встало поперек горла.

А сейчас от хруста маминой шеи, ломающейся под каблуком незнакомца, ее вырвало прямо в прижатые ко рту ладони.

Вспышка огненной энергии прокатилась по комнате, унося с собой громовой хаос обрушившегося неподалеку прохода. Роуз отбросило к стене потайного чулана. От дрожащего воздуха сотрясались кости, болели зубы.

Она умерла.

Роуз задержала дыхание, зажмурилась, слыша, как взвыл папа, пригвожденный к полу мечом незнакомца. Она знала, что ей нельзя кричать вместе с ним, нельзя тянуться к маме, как пытался он. Потайной чулан, встроенный в стену за книжным шкафом, защитит ее, как обещал дедушка, но только, если она не издаст *ни звука, ни шороха*. Тонкой щелочки между фанеркой и одной из полок хватало, чтобы видеть комнату целиком.

Постепенно день сменялся вечером. Внизу на столе стыл нетронутый обед – о вторжении предупредило только быстро стихшее рычание и поскуливание соседской собаки. Папа едва успел зажечь лампу и камин в кабинете, а мама – спрятать Роуз, как по лестнице загрохотали шаги. Теперь, дрожа в остатках тепла и света, мрак, заполнивший комнату, казался живым, дышащим.

– Я же предлагал по-хорошему, – на незнакомце был изящный черный плащ с серебряными пуговицами; Роуз никак не удавалось разглядеть выгравированный на них знак. Тонкий черный шарф закрывал нижнюю половину лица, но не приглушал шелковистые переливы голоса. – Зачем же было доводить до такого... Отступитесь от своих прав на нее, отдайте астробию, и нам не будет до вас никакого дела.

Осколки стекла и листы бумаги похрустывали у него под ногами, а он все кружил вокруг мамы... Того, что от нее...

Нет. Дедушка скоро вернется со своего собрания. Он обещал уложить ее спать, а его слово – гранит. Он все исправит. Это... это просто ночной кошмар. Просто в ее глупую детскую головку понабилося много глупых фантазий о тенях, приходящих за детьми-путешественниками. Скоро все закончится, и она проснется.

– Гнусные чудовища – вот вы кто! – папа попытался голыми руками вытащить меч из плеча, оставляя на клинке кровавый след. Человек, нависший над ним, облокотился на изысканный эфес, вгоняя меч поглубже. Папа забился, молотя ногами воздух.

Мама не пошевелилась.

Острое, жгучее желание кричать разрывало Розы горло. Отвратительно пахнувший ручей крови, напивав ковер, подобрался к светлым маминым волосам.

Отец предпринял новую попытку отбиться, схватив одной рукой каменное пресс-папье, упавшее со стола в начале борьбы. С диким криком, вырвавшимся из легких, он метнул камень в закрытое маской лицо чужака. Тот играючи поймал его и в свою очередь выхватил еще один

меч с тонким клинком у другого человека в маске, стоявшего на страже у двери. Недовольно буркнув, незнакомец вонзил клинок в папину руку, обездвижив и ее. Папа коротко вскрикнул от боли, но вскоре его стоны перекрыл смех, раздавшийся из-под маски.

«Смотри, – думала Роуз, подтягивая испаранные коленки к подбородку, – расскажешь дедушке, что здесь произошло. Молчи, не шевелись. Мужайся».

– Ты... скажи Айронвуду: он так и умрет с тем, что никогда... *никогда* ее не получит...

Айронвуд. Снова Айронвуд. Это имя в семье произносили свистящим шепотом, оно нависало над их жизнью, подобно тени. Дедушка сказал, здесь они будут в безопасности, но Роза могла бы догадаться, что *не* будут. Они никогда не были *в безопасности* с тех пор, как ее тети и дяди, двоюродные братья и бабушка пропали, один за другим, в разных столетиях и на разных материках.

А теперь мама... и папа...

Роуз снова закусила губу, на этот раз до крови.

Другой мужчина, подпиравший стену у двери, дернулся вперед.

– Заканчивай, а! Общем полы и стены, пока никто не мешает.

Только теперь, когда фигура вышла в центр комнаты, Роуз увидела, что это вовсе и не мужчина, а высокая женщина.

Мама как-то говорила, что Айронвуд собирает девушек в свою семейную коллекцию и держит их на полках, словно стеклянные фигурки, не снимая даже ради того, чтобы протереть пыль. Должно быть, эту он считал небьющейся.

Мама тоже казалась такой.

Пока... не...

Мужчина в маске залез во внутренний карман плаща и прицепил к указательному пальцу длинное серебряное жало, изогнутое, как сверкающий коготь, раздирающий воздух.

Роуз перевела взгляд с оружия на папино лицо, обнаружив, что он смотрит на книжный шкаф – на нее, – беззвучно шевеля губами. «Не шевелись, не шевелись, не шевелись...»

Ей хотелось визжать, кричать ему, чтобы он сражался, что *она* готова драться, даже если он не может. Разве не ее руки и коленки покрыты синяками и ссадинами от драк с Генри? Это не ее папа. Ее папа смелый, он – самый сильный человек в мире, и такой...

Убийца в маске наклонился и вонзил жало в ухо несчастному. Папино тело в последний раз дернулось.

Губы замерли.

Где-то вдалеке гром сотряс безоблачное небо Лондона – рухнул еще один проход. Сейчас звук был слабее, но все равно каждый дюйм ее кожи словно содрали до мяса.

На папе был все тот же костюм, пахнувший табаком и одеколоном, но Роуз видела, что его самого больше нет.

– Начни со спальни, – приказал мужчина в маске, вытирая меч и вкладывая его в ножны.

– Она не здесь, – медленно протянула женщина. – Разве мы бы не почувствовали ее?

– Все равно, могли остаться записи, – рявкнул мужчина и начал один за другим выдергивать ящики. Он выгребал и отбрасывал древние монеты, папирусы, оловянных солдатиков, старые ключи. – Ну, коллекционеры...

Женщина прошла перед книжным шкафом, скрипнув паркетом. Роуз прижала перепачканные ладошки ко рту, чтобы не вскрикнуть. Она старалась не вдыхать запах собственной рвоты: ее и так мутило от запаха крови родителей. Темные глаза ураганом пронесли по полкам, остановившись прямо напротив Роуз.

Мгновение замерло в ее сознании, словно лист на поверхности воды. И точно так же дрожало.

Не шелохнись.

Но она не хотела сидеть тихо.

«Как было бы легко, – подумалось ей, – стать такой же храброй, как мама: вырваться из потайного чулана, опрокинуть женщину на пол и убежать. Схватить один из их мечей и сечь, сечь, сечь, пока не изрубишь тьму на куски, как сделал бы папа».

Но папа велел ей сидеть тихо.

В углу напольные часы отсчитывали потерянные секунды. Тик-так, тик-так, тик-так... у-бит, у-бит, у-бит...

Горячая, запутанная, колючая, словно терн, часть Роуз оплела ее сердце, сжимаясь все теснее, пока она не заставила себя закрыть глаза. Она представила, как ее вены, ребра, вся грудная клетка каменеют, защищая то, что окаменеть не могло и так отчаянно болело. Она еще слишком мала, чтобы сражаться с ними, – Роуз это понимала. Но понимала и то, что однажды она вырастет...

Глаза убийцы метнулись дальше, привлеченные чем-то на следующей полке. Роуз переплавляла свой страх в чистейшую ненависть.

Айронвуды. Снова Айронвуды.

– Не помнишь, сколько на столе лежало приборов? – спросила женщина. Она отошла от шкафа, протягивая что-то – фотографию в рамке – мужчине. Роуз стиснула себе горло, вцепившись ногтями в платье. На том снимке они были троим.

Старый дом застонал. Убийца в маске приложил палец к губам, глаза стрельнули в сторону книжного шкафа. Он перешагнул через папу, подходя поближе к напарнице.

Не шелохнись.

– Возьмем малявку, – наконец, горячо прошептал он. – Он предпочел бы ее...

Вслед за грохотом входной двери, шарахнувшей о стену дома, снизу донесся яростный рев: «Линден!», и дом затрепетал под тяжелыми шагами; они быстро поднимались по лестнице. Роуз посмотрела на дверь как раз вовремя, чтобы увидеть, как в комнату врываются трое мужчин. При виде первого, чья величественная фигура летела, словно грозовое облако, она отпрянула. Папа старался как можно чаще показывать ей фотографии Сайруса Айронвуда, чтобы она узнала его в любом возрасте. Чтобы понимала, когда нужно убежать и прятаться.

Один из его свиты тронул ботинком мамино лицо.

– Теперь понятно, почему тот проход захлопнулся прямо за нами.

Роуз едва не выпрыгнула из-за полки, чтобы отпихнуть его, но тут внезапно осознала: убийцы в масках исчезли. Она не видела и не слышала, чтобы открывалось окно, не слышала и шуршания одежды или шагов. Зловещие маски словно бы растворились в тени.

Из тени придут они, ужас неся.

Из тени придут и похитят тебя.

– Подонки получили по заслугам, – прорычал Сайрус, наклоняясь и выдергивая шпагу из папиной руки... и тут же вгоняя ее ему в грудную клетку. Роуз подскочила при звуке, с которым острое клинка сокрушило кость и дерево, и почувствовала, как из горла исторгся тихий рык.

– Вот награда, которую я плачу с наслаждением, – заявил Айронвуд. – Знаю: это единственный стимул, способный заставить всех шевелиться. Жаль только, Бенджамин с ними не было. Что встали?! Ищите, болваны!

Десять тысяч золотых монет. Объявление, которое принес домой дедушка, кипевший от гнева, не предназначалось для глаз Роуз. Ей было не положено знать, что Айронвуд назначил награду за их жизни, но папа же никогда не закрывает – не закрывал – ящик письменного стола.

Самый молодой из свиты Сайруса поднял с края стола золоченую рамку, которую держала женщина в маске. Он ткнул пальцем в Роуз, чинно сидевшую между папой и мамой:

– А эту?

Айронвуд плюнул на папино лицо, прежде чем взять снимок. Глаза Роуз заволокла черная пелена, под кожей все кипело, и ей пришлось вцепиться ногтями в свое замызганное платье, чтобы не издать ни звука. Взгляд Сайруса заметался по комнате, она могла различить цвет его глаз: бледных и жгучих, как вспышка молнии. Затем, без единого слова, он вновь повернулся к ее папе, наклонился, разглядывая что-то – ухо?

– Хозяин? – напомнил о себе другой молодой человек.

– Нужно уходить. Немедленно, – ответил Айронвуд, казавшийся погруженным в свои мысли. – Тела заберите, еще не хватало, чтобы их обнаружили.

– Но что с астро...

Айронвуд швырнул снимок в рамке через стол так, что молодому путешественнику пришлось пригнуться.

– Если эта чертова штука и была здесь, то уже далеко. А теперь уберите тела! Я жду в машине.

Вместе с ним исчезла и ядовитая злоба. Роуз наконец позволила себе вдохнуть, глядя, как один из подручных Айронвуда приносит розовые простыни из ближайшей спальни, и как они вдвоем накрывают и заворачивают сперва маму, потом папу.

Ковер вынесли последним, оставив шрамы на деревянном полу. Роуз выждала, пока хлопнет входная дверь, потом досчитала до десяти, вслушиваясь, не шевельнется ли что-нибудь во мраке. Ничего не услышав, толкнула шкаф вперед и ошупью пробралась вниз по лестнице, выскочив с черного хода. В глазах щипало; она открыла калитку, споткнулась о велосипед, прислоненный к оградке, вскочила на него и поехала.

Роуз не чувствовала ничего. Только крутила, и крутила, и крутила педали.

Она едва ли что-то видела – слезы стекали с ресниц, капая на щеки, – но это просто из-за ужасно холодной и промозглой погоды.

Держа дистанцию, она ехала за машиной Айронвуда, блестящей в свете фонарей, словно панцирь жука. Роуз вспомнила страшную сказку, которую читал ей дедушка, о человеке, превращенном в чудовище собственным уродливым сердцем, и теперь она впервые поняла ее. Роуз представляла, как ее ногти становятся когтями, кожа – рыцарскими доспехами, зубы делаются острыми, словно у тигра.

Роуз всегда знала: рано или поздно Айронвуд вернется, чтобы растоптать остатки ее семьи, но она – не такая, как дети Жакаранд или Хемлоков, которые позволили Айронвуду забрать себя, когда их родители сдались или были убиты.

«Как жаль, – думала девочка, – что они росли без терновых шипов, которыми могли бы защитить себя».

Однажды она отнимет у Сайруса Айронвуда все. Разрушит его трон из часов и разобьет корону из дней. Она найдет это чудовище и закончит дело, начатое мамой и папой. Но сегодня она просто будет следовать за ним во тьме.

Потому что должен же кто-то сообщить дедушке, где Айронвуд спрятал тела.

Техас

1905

1

Этту, обернутую огненными лентами, разбудили громовые раскаты.

Она тут же проснулась. Кожу, казалось, выжгло до мяса, содрало лоскутами, открыв каждый нерв, каждую вену чистой безжалостной агонии. Она подавилась собственным вдохом, легкие казались слишком тесными, не вмещавшими больше одного маленького глотка воздуха. Она знала, что попала не в воду: земля под нею была жесткой и шершавой, но инстинктивная вспышка страха, свинцовая тяжесть в болезненно дернувшихся мышцах заставляли думать, что она тонет.

Этта свернула голову набок и попыталась выкашлять пыль, забившую рот. Это легкое движение отозвалось новой резкой болью в плече, отдававшей в ребра и позвоночник.

Разрозненные воспоминания прорывались сквозь горячий морок жара и бреда: Дамаск, астролябия, София, и...

Этта с усилием разлепила веки, затем снова зажмурилась от яркого солнца. Одной секунды хватило, чтобы впитать образ белого, как древние кости, мира, мерцавшего и переливавшегося в струях горячего воздуха, поднимавшегося над бледной пылью. Это напомнило ей танец солнечных лучиков на океанских волнах. Напомнило о...

Проходе.

Так вот что за гром она слышала. То была не надвигавшаяся гроза – никакой передышки от жары не предвиделось. Ее окружала пустыня – повсюду, на многие мили – лишь вдаль, вместо древних храмов и форумов возвышалось незнакомое плато. Это не...

Не Пальмира. Тут и воздух пах иначе, обжигая ноздри при каждой попытке вдохнуть, – в нем не было ни намека на перепревшую влажную зелень ближайшего оазиса, ни запаха верблюдов.

Грудь сжало страхом и недоумением.

– Ник... – даже этот осколок слова битым стеклом застрял в горле; на треснувших губах выступила кровь.

Девушка перевернулась, опираясь ладонями о жесткий грунт, чтобы приподняться. *Нужно встать...*

Подтянув локти под тело, она не успела даже поднять голову, как тупая боль в плече взорвалась, словно нарыв. Крик наконец-то прорвался сквозь ее ободранное горло, руки под ней подломились.

– Боже правый, а еще громче закричать не пробовала? Мало нам спешащего сюда стража, так еще, сделай одолжение, заставь прискакать вместе с ним целый отряд кавалерии!

На нее упала тень. За несколько секунд до того, как тьма снова поглотила сознание, Этте показалось, что она уловила проблеск ярких, почти неестественно-голубых глаз, вспыхнувших узнаванием при виде нее.

– Так. Так-так-так. Кажется, мистер Айронвуд, удача еще не окончательно вас покинула.

Нассау

1776

2

Николас откинулся на стуле, приподнимая загнутые поля шляпы, чтобы еще раз оглядеть переполненную таверну «Три короны». Жаркий и душный воздух заведения придавал насквозь пропитанным ромом завсегдатаям лихорадочный вид. Хозяин – бывший капитан Паддингтон – охотно присоединялся к веселью, оставляя внушительного вида женушку за прилавком – приглядывать за обильным пойлом и скромным съестным.

Никому, казалось, не было дела до того, что крикливо-изумрудная краска курчавилась по стенам, отпадая целыми пластами, будто желая поскорее убраться подальше от нестерпимого зловония уткнувшихся в свои кружки мужчин. Георг III невидящим взором глядел на своих непутевых подданных с изуродованного портрета (глаза вместе с другими органами – и не только чувств – ему процарапали моряки Континентального флота, прошерстившие остров в поисках припасов семью месяцами ранее).

Николас, сжимая успевшую нагреться кружку эля, подумал, что три короны, очевидно, принадлежали трем коронованным в таверне порокам: алчности, чревоугодию и похоти.

Одиноким скрипач съезжился в углу, безуспешно пытаясь перебить похабные песни, распеваемые компанией неподалеку. Кожа на его кадыке натягивалась как тугой галстук.

«Наливай еще, поддатый, помни: истина – в вине! К черту граций, к черту мысли о любви и красоте! Фа-ла-ла-ла-ла..!»

Николас поспешно отвел взгляд от смычка, парившего над струнами, пока непрощенные мысли не побежали наперегонки с памятью. Каждая секунда подтачивала его решимость, а терпения оставалось совсем немного.

«Спокойно! – приказал он себе. – Спокойно».

Легко говорить, когда искушение впиться ногтями в стол и стены, выпуская на волю закупоренную внутри бурю, почти непреодолимо. Он заставил себя сосредоточиться на выпивках, сторбившихся над столами: они увлеченно шлепали картами и совершенно не обращали внимания на бешеный дождь, хлещущий по окнам. Языки и говоры были столь разнообразны, сколь и корабли в бухте. Никого в форме не наблюдалось, к приятному удивлению Николааса и к выгоде остальных, бесстыже сбывавших контрабанду.

Стоило ли удивляться, что Роуз Линден выбрала именно это место для встречи. Николас начинал задумываться, была ли она очарована картиной непотребства или просто чувствовала себя здесь как дома. Как бы то ни было, ее выбор гарантировал, что стражи Айронвуда, приглядывавшие за проходом на острове, вряд ли стали бы заходить сюда: слишком они были тонкими натурами, чтобы рисковать замараться о замызганное очарование матросов.

«Сиди спокойно!».

Николас нащупал пальцами кожаный шнурок под парусиновой рубашкой и изящную сережку, которую повесил на него, чтобы не потерять. Вынуть ее он не решился – хватило жалостливого презрения на лице Софии прошлым вечером, когда она застала его разглядывающим в свете маленького камина бледную жемчужину, золоченые листья и голубые бусинки на золотой петле.

Куда безопаснее было глядеть перед собой, чем сосредотачиваться на свидетельствах своих провалов.

«Этта бы одобрила место». Николас не успел остановить мысль, как та уже выскочила. Она бы с наслаждением разглядывала комнату, жадная до любых историй из низменной жизни

острова – прославленного пиратского королевства. Он бы даже рисковал потерять ее, увлеченную злополучной погоней за сокровищами или похождениями шайки контрабандистов.

«Ты и так ее потерял». Николас медленно выдохнул, заталкивая боль куда поглубже.

В совсем плохие дни, когда беспокойство и страх превращали кровь в копошащихся пауков, а бездействие становилось невыносимым, его преследовали кошмары. *Ранена. Исчезла. Погибла.* И единственным символом веры, не изменявшим ему, когда сомнения кружились в голове бешеным вихрем, было убеждение, что Этта слишком умна и слишком упряма, чтобы умереть.

Он намеренно затушил висевшую над ними лампу и заказал кучу мелких тарелочек закуски и эля, чтобы их стол не вызывал лишних вопросов. Однако карманы легчали с каждым днем, и Николас понимал, что той небольшой суммы, которую он заработал, разгружая утром корабль в доках, не хватит надолго.

– Что-то она не показывается, – проворчала София через стол.

Николас ушипнул себя за переносицу, стараясь унять нараставшее раздражение, пока оно не завладело им без остатка.

– Терпение, – прорычал он. Вечер только начинался. – Наше дело тут еще не сделано.

София фыркнула, допивая остатки эля, а потом, перегнувшись через стол, схватила его кружку и залпом опустошила, заслужив одобрительные взгляды с соседнего столика.

– Вот, – объявила она, хлопая днищем кружки о стол, – теперь можем идти.

За все свои двадцать с лишним лет Николас не смел и мечтать, что доживет до дня, когда кто-то из Айронвудов предстанет в столь постыдном виде.

Учитывая, что на острове были Айронвуды, и особенно то, что Великий Магистр, вероятно, лично назначил за их с Софией головы состояние, которого хватило бы купить весь этот остров, они как могли изменили внешность. София угрюмо – хотя и добровольно – остригла длинные темные волнистые волосы, заплетя остатки в аккуратную косу. Николас раздобыл одежду какого-то моряка, примерно соответствующего шуплой фигурке Софии, и девушка носила ее так легко, словно собственную кожу, что было весьма неожиданно, учитывая ее былое пристрастие к шелкам и кружевам.

Однако еще неожиданнее оказалась кожаная нашивка на месте левого глаза.

Опасения Николаса после избиения в Пальмире были вполне обоснованны. Пока они с Хасаном добирались до лечебницы в Дамаске, рана нагноилась, и глаз совсем перестал видеть. Гордая София предпочитала медленно умереть от нагноения и заражения крови, чем по доброй воле дать целителям удалить его.

Однако в итоге какая-то часть ее, должно быть, захотела жить – она не сдавалась даже в самых страшных тисках агонии. По правде говоря, вылечилась она очень быстро, и Николасу пришлось неохотно признать: коль скоро эта девушка с железной волей что-либо решила, лучше не стоять у нее на пути.

Болезнь Софии оказалась им на руку. Пока она поправлялась в Дамаске, Николас получил неожиданное послание от Роуз, оставленное в доме Хасана:

«Обстоятельства не позволяют мне ждать месяца, как договаривались. Встречаемся 13-го октября в Нассау или не встречаемся вовсе».

В какой-то миг на пути в Дамаск из Пальмиры, где они договорились о будущей встрече, Роуз, очевидно, по-другому взглянула на свои «обстоятельства». Николас не знал, бояться ли ему или просто злиться – она так легко рассчитывала на их способность перемещаться с невероятной скоростью! Как бы он ни сочувствовал ранению Софии, при мысли, что они упустят возможность найти последний общий для всех временных шкал год, его чуть не затошнило от страха и бешенства.

Но ее синяки и ссадины рассосались за две недели, а три дня назад она окончательно окрепла для путешествия по чередѣ проходов, пока, совершив последний бросок на зафрактованном судне из Флориды, они не прибыли к Роуз... которой не было.

– Этта с нею не придет, так что ты напрасно выглядишь, словно щенок, готовый вот-вот сделать лужицу, – язвила София. – Тебе не кажется, что им пора бы уже показаться, коли на то пошло?

Нет, он не рассчитывал, что Роуз прибудет вместе с Эттой, живой и здоровой, оправившейся от раны. По крайней мере, до сегодняшнего утра. Надежда, как он обнаружил, имела свойство иссыхать, будто песок в часах.

Николас заставил себя вдохнуть, чтобы успокоиться. Ненависть, лелеемая Софией, делала воздух между ними непригодным для дыхания; а за последние недели ее чувства покрылись такими шрамами, что стали еще безобразнее, чем раньше. Ночуя с нею в одной комнате, он чувствовал себя... мягко говоря, неуютно.

Но ему... Каким горьким делалось слово «нужна», когда относилось к Софии! Ему была *нужна* ее помощь, чтобы находить проходы, а взамен он пообещал помочь ей исчезнуть из поля зрения «обожяемого дедули», когда их злополучное путешествие подойдет к концу. Николас не сомневался: на самом деле София держалась с ним лишь потому, что не оставляла надежды заполучить проклятую вещь.

И ему приходилось жить с этим, потому что ему – господи, спаси и помоги – была *нужна* она. Будь проклято его незнание мира путешественников! Будь проклято его невезение. И все Айронвуды в придачу.

– Не терпится на свежий воздух? В такую-то погоду? – поддразнил он, прищурившись. Она тоже прищурила свой единственный глаз, но тут же насупилась и отвернулась, оглядывая таверну.

Николас пробежал пальцами по краю стола, отмечая каждую зарубку на дереве. Еще два дня назад желание плюнуть на сделку с Роуз показалось бы ему невысказанным. И все же, если она не уважала их договор, что его с нею связывало?

«Ты прекрасно знаешь, что», – подумал он. Обнаружение последнего общего года для прежней временной шкалы и этой, какой бы она ни была. Этту, должно быть, швыряло сквозь проходы, через десятилетия и века, пока не выбросило в какой-то день общего года, без сил, раненую и одинокую. Надо было им поменяться целями, чтобы Роуз искала астролябию, а он – Этту, но он понимал, даже тогда, вымотанный, с ободранными нервами: у Роуз есть знакомства, которые позволят ей быстро разобраться с изменениями во временной шкале.

Николас уже готовил себя к ее холодной ярости, когда Роуз обнаружит, что он две недели не занимался поисками этой окаянной астролябии, как договаривались. Он и искал бы всерьез, если бы его не преследовал страх за Этту.

Как бы он ни поигрывал – в самых темных глубинах своего сердца – с мыслью поступить как эгоистичный подонок и сбежать, его душа восставала против такого бесчестия. Вот когда астролябия будет найдена и уничтожена, а будущее Этты восстановлено, он с удовольствием даст понять Айронвуду, что тот никогда ее не получит.

Но больше чести, важнее ответственности была сама Этта. Найти ее, помочь ей, преодолеть беду, как они и хотели. Она – его напарница.

Сердечко мое.

Он закончит со всем этим и займется собственной жизнью, как всегда и хотел. Мир путешественников никогда не был его миром. Ему не давали ни доступа к тайнам, ни дозволения исследовать глубины. В том мире он был лишь слугой.

Даже время Этты было для него подобно далекой звезде. Он изумлялся ее рассказам о прогрессе, о войнах и открытиях, но то будущее оставалось для него слишком далеким, чтобы прочувствовать его, пустить в свое сердце как что-то настоящее, а не выдуманное. Не говоря

уже о том, чтобы на что-то в нем претендовать. Но суждено ли им было туда попасть и обрести дом или нет, он хотел восстановить мир, который Этта знала и любила.

Шум веселья в таверне время от времени прерывал грохот двери, швыряемой как штормовым ветром, так и заблудшими душами, искавшими укрытия. Николас снова сосредоточился на входе, высматривая знакомую вспышку золотых волос и голубые глаза.

– А ты не мог бы в кои-то веки сделать что-то полезное? Хотя бы избавить нас от того выродка в углу, например, – проворчала София, опуская голову на скрещенные на столе руки. – Если он так и будет пялиться на меня, обещаю напасть первой через минуту.

Николас моргнул, переводя взгляд из угла в угол, затем обратно на девушку перед собой.

– О чем ты, дьявол тебя раздери?

Источая волны презрения, София выпрямилась и мотнула головой в дальний конец таверны, в сторону столика, находившегося в прямой видимости от их собственного. За ним сидел человек в темном плаще и нахлобученной на мокрый парик треуголке, будто готовый при первой же возможности выскочить под ливень. Поймав взгляд Николаса, он тут же начал рассматривать свою кружку, барабанив пальцами по столу. Только тогда Николас заметил знакомое дерево, вышитое золотом на тыльной стороне его перчатки.

Что-то, стискивавшее внутренности, наконец разжалось. Отверженный был из Линденов. Страж, если Николас не ошибался.

Или из Айронвудов, пытается поймать нас на приманку.

Ну нет – в последний месяц он стал подозрительным сверх меры. Человек Айронвудов напал бы на них открыто. Семья его отца не отличалась утонченностью, зато обладала редкостным даром не тяготиться убийствами. И все же он нащупал нож, припрятанный во внутренний карман сюртука.

– Сиди здесь, – бросил Николас.

Но, разумеется, София поплелась за ним, спотыкаясь от выпитого. Человек не поднял взгляда, даже когда они сели на пустующие стулья за его столиком.

– Тута занято, – буркнул незнакомец. – Я жду кумпанию.

– Полагаю, она уже прибыла, сэр, – заметил Николас. – Кажется, у нас есть общий знакомый.

– Неужто? – мужчина повертел оловянную кружку в руке. Повертел снова. И снова. И снова. Наконец, София выбросила руку и прихлопнула его ладонь, опередив Николаса на доли секунды.

– Хочешь и дальше испытывать мое терпение? – процедила она. – Давай, попробуй.

Страж отпрянул от ее стального голоса, моргнув, едва разглядел ее лицо – и черную повязку на нем.

– Ты это на маскарад нацепила, милочка, или просто...

Николас прокашлялся, уводя мужчину с опасной дорожки.

– Мы ждали... кое-кого другого.

Кожа стража выглядела, словно ее оставили у огня просушиться да забыли на несколько часов дольше необходимого. Николас хорошо знал такие лица – свидетельство долгих лет работы в море или у моря. Обежав зелеными глазами комнату, старик стянул шляпу и поправил парик.

Затем подтвердил, что понял Николаса:

– Видел тут... скажем так, видел такие рожи, которых обычно стараюсь обходить за милую. Прочесывают берег и город очень плотно. Поневоле задумаешься, стоит ли выручать леди из беды.

– Осторожность никогда не повредит, – кивнул Николас. – И где же та леди?

Старик, не обратив внимания на его слова, продолжил тем же капризным тоном:

– Говорили, от вас будет один. Ты, кажись, подходишь, – он перевел взгляд на Софию. – А об ей не слышал.

Глаза Софии сузились в щелочки.

– Это мой компаньон, – пояснил Николас, пытаясь не дать разговору оборваться. Он понимал необходимость конспирации, но каждая секунда, в которую они не искали астролябию, была секундой, потраченной напрасно. – Так вы приведете нас к той леди?

Человек сделал большой глоток из кружки, закашлявшись, и замотал головой. Еще один вороватый взгляд вокруг, и его рука исчезла в складках плаща. Пальцы Николаса снова нырнули в карман, сжимая рукоять кинжала.

Но незнакомец вытащил не пистолет и не нож, а сложенный лист пергамента, расстелив его на столе. Николас, взглянув на красную восковую печать с выдавленным древом Линденов, снова поднял глаза на старика. София же выхватила пергамент, перевернула и встряхнула, словно ожидая, что из складок посыплется яд.

– Наш... *цветок*, – проговорил старик, подчеркивая выбор слова, – занят другими делами. И теперь, оказав ей любезность, я откланяюсь, чтобы...

– Любезность? – переспросила София, от эля ставшая бесцеремоннее обычного. – А вы разве не страж?

Мужчина оттолкнулся руками от стола.

– Был стражем, пока другая семья не поубивала моих. Теперь делаю, что заблагорассудится. Что в данном случае означает: откланиваюсь.

Николас встал в то же миг, что и страж Линденов, догнал его в толпе и схватил за рукав:

– Что еще за «другие дела»? Мы ждали ее...

Страж вывернулся из рук Николаса, задев другого завсегдатая таверны и плеснув элем Николасу на ботинки.

– Я похож на того, кому Роуз Линден станет открывать свои треклятые тайны?

Справедливости ради, учитывая его помятый вид и весьма впечатляющий шрам вокруг шеи, который мог остаться только от веревки, он был очень даже *похож*.

– Она сообщила вам еще хоть что-нибудь? – нажимал Николас, раздражаясь от того, что приходится повышать голос, перекрикивая повизгивание скрипки и громогласный смех завсегдатаев. – Она еще на острове?

– Ты по-аглички-то разумеешь, милоч? – усмехнулся страж. – Мне тебе, что, по-хранцузски растолковать или...?

Женский вскрик прорвался сквозь раскаты басовитого мужского гомона. Николас обернулся к их новому столику, обнаружив рядом с ним девушку-служанку, лихорадочно собирающую раскиданные по столешнице осколки. Еще одна шуплая фигура в синей матросской курточке промакивала жидкость, капавшую со стола на пол.

– Ты, корова! – заорала София, выхватив тряпку из рук смущенной девушки и хлестнув ее по переднику.

– Случайно... Простите, ради бога... Споткнулась... – бедняжка едва могла выдавить полслова.

– Ты что, слепая? – расходилась София. – У меня один глаз, а я и то лучше вижу!

– Удачи тебе с *компаньоном*, – хмыкнул страж и, пока Николас оборачивался, уже вынырнул в другом конце зала, отделенный людским морем. Ветер вновь от души грохнул дверь, и страж растворился в ночи. Хозяин «Трех корон», отставив поднос с пойлом, пошел заложить засов, прежде чем дождь промочит пол.

– В чем дело? – спросил Николас, проталкиваясь к их столу. София, откинувшись на стуле, мрачно наблюдала, как служанка сметает последние осколки себе в передник.

– *Кто-то*, – с нажимом сказала София, будто этот «кто-то» не стоял рядом с ними, – будучи полной и окончательной дурой, решил перевести отменный ром, испулав в нем меня...

По правде говоря, жидкость весьма кстати освежила ее запах.

– Я не дура! – служанка побагровела. – Я смотрела, куда иду, но что-то попало мне под ноги!

Девушка унеслась, прежде чем Николас успел выдавить что-нибудь примирительное. А София, разумеется, разъярилась еще пуще.

– Что? Не может вынести даже намек на критику? – огрызнулась она, и вдруг заорала ей вслед: – За собой следи, ты чертова...

– Хватит! – оборвал ее Николас. – Давай посмотрим письмо.

София скрестила руки на груди и откинулась на стуле.

– Чудно! Ты мне его даже подержать не дал, ни секундочки!

– У меня нет времени на игры, – отмахнулся он. – Просто дай мне письмо.

Она ответила на его жесткий взгляд невинным выражением лица. Беспокойный холодок пробежал по его спине.

– Письмо! – настойчиво повторил он, протягивая руку.

– У меня... его... нет...

Они проглядели друг на друга еще мгновение, Николас чувствовал, будто София режет его взглядом на куски, а сам отчаянно соображал. Потом резко наклонился, оглядывая пол, стулья, под столом. Служанка? Нет, он видел, как девушка опускалась на колени, и уж, конечно, она бы не стала торчать у стола, с которого только что что-то стянула. Не могла она и снести письмо в свой передник – он бы увидел. Значит...

Другой! Тот, что промакивал стол.

– Куда пошел тот человек? – спросил он, поворачиваясь на каблуках.

– Что ты несешь? – буркнула София, вскакивая на ноги. Пока она ворчала, Николас уловил боковым зрением край темно-синей курточки и широкополую шляпу, которая не могла скрыть лицо. Китаец наблюдал за ними с площадки лестницы, ведущей в номер наверху. Николас сделал один-единственный осторожный шаг в его сторону, но едва сдвинулся с места, как незнакомец исчез с легкостью и стремительностью зайца.

– Проклятье! – ругнулся Николас. – Подожди здесь...

София вытянула из-за пазухи не виданный им ранее пистолет и, даже не потрудившись прицелиться, пальнула в сторону лестницы. Звонящая тишина, последовавшая за выстрелом, привлекла к ним внимание всей таверны. Загремели пистолеты, ножи и старые шпаги. И от маленькой искры, воспламенившей порох, драка, которой так искала София, на которую десяток раз пыталась спровоцировать Николаса, служанку, любого, кто просто не так посмотрел, наконец-то, разгорелась не на шутку.

Один неуклюжий выпивоха саданул другого локтем по шее, пытаясь вытащить собственное оружие. Со сдавленным криком второй моряк махнул кулаком, откидывая первого на ближайший стол. Разлетелись карты, кости, еда и эль. Картежники, вскочив с места, бросились на подвернувшихся под руку людей, до этого тупо тарасивших налитые ромом глаза, а теперь пятавившихся, чтобы их не затоптали.

Из гущи битвы выскочил моряк, подхватывая стул с пола и метя им в Софию, которая стояла, как вкопанная, глупо улыбаясь.

«Не видит», – успел подумать Николас, и выкрикнул:

– Слева!

София резко дернулась в сторону так, что с нее слетела шляпа, и машинально махнула ногой, попав точно куда надо: моряк с воем повалился на пол, прижимая руки к паху; девушка освободила несчастного от стула и шмякнула им по голове.

Скрипка возмущенно вскрикнула, когда смычок отпрыгнул от струн, а сам музыкант нырнул под стол, едва успев разминуться со стулом, которым пропитанная виски жрица любви пыталась «подправить» конкурентке нарумяненное лицо.

Одиноким пьяным моряк стоял в центре хаоса, закрыв глаза и покачиваясь в странном танце, прижимая к груди бутылку, словно партнершу.

– Лопни твои глаза! – не сдержался Николас.

– Ты, вероятно, имел в виду глаз, – уточнила София, засыпая остатки пороха в оружие, прервавшись только на то, чтобы стянуть полупустую бутылку рома с освободившегося столика.

Николас проталкивался сквозь клубок бешено молотящих рук и ног, уворачиваясь от шпаг, тут и там рассекавших воздух. Трактирщик взобрался на барную стойку, но, вместо того, чтобы остановить драку своевременным зычным криком, бросился на спину ближайшего клиента, прижимая его к полу с громким боевым кличем.

Николасу случалось видеть и более цивилизованные способы наведения порядка, вроде обмазывания дегтем и вываливания в перьях.

Наконец, он добрался до лестницы – как раз вовремя, чтобы увидеть, как мужчина, убегавший от драки, оттолкнул девуку с дороги, спустив ее с лестницы в ворохе юбок. Николас еле поймал несчастную, прежде чем та разбила себе голову.

– Иисусе! – выдохнул он, закашлявшись от взлетевшего с ее парика облака пудры.

– Спасибо! О, спасибо вам! – женщина покрывала поцелуями каждый дюйм незакрытой одеждой кожи, при этом перекрывая ему путь вверх по лестнице; он попытался мягко отодвинуть ее.

– Мэм, пожалуйста...

– Двигай, девка! – София, стоя внизу лестницы, направила пистолет прямо в лицо женщине. – У него не найдется и пары монет, чтобы позвякать, где уж тратить их на тебя!

Девушка сняла осаду, обиженно отвернувшись и пошла вниз, к драчунам.

– Она тебя что, до бесчувствия зацеловала? – прорычала София. – Вперед! Уйдет же!

Николас помчался на второй этаж, перескакивая через две ступеньки, и, увидев в самом конце вытертой ковровой дорожки открытую настежь дверь спальни, бросился туда, шумно и тяжело дыша. Темноволосая девушка, кутаясь в вязаное одеяло, дрожала на плече подруги, похлопывавшей ее по плечу, и взахлеб рассказывала, почти нечленораздельно:

– На меня... дверь... коротышка... смешной человечек... махал ножом... в окно...

– Смешной человечек? – переспросил Николас, а София уточнила:

– В окно?

Девушка испуганно заморгала при их неожиданном появлении.

– Э-э... низенький, да, почти как ребенок. И он из этих – как это называется...

– С Дальнего Востока? Китаец? – предположила другая. Девушка в одеяле кивнула, потом обернулась к Николасу, явно ожидая вознаграждения. Но София была права: у него не было и двух монет в кармане. После всего выпитого и съеденного у него и одной-то не осталось.

София, а за нею Николас, протиснулись в удушливую комнату, заполненную свечным дымом и тяжелым запахом цветов. Дождь залетал в открытое окно, оставляя на ковре темные пятна.

Пока София разглядывала обрывок ткани, зацепившийся за раму, Николас высунул голову, высматривая на затопленных улицах намерения на движение. Перекинув ногу через раму, он спрыгнул на крышу крыльца и оттуда на землю. За спиной послышались глухой удар и ругань Софии.

Николас пробежал несколько шагов, прикрывая глаза от хлещущих с неба струй. Вода катилась по грязи и булыжнику, отмывая, хотя бы на одну ночь, остров от грязи и нечистот.

Но вор исчез, а с ним – письмо Роуз.

– Картер! – София так и осталась стоять около таверны. Большая темная груда, прислоненная к ярко-выкрашенной стене, внезапно обрела очертания человека.

– Что за... – слова застряли у Николаса в горле, когда он подошел чуть ближе.

Страж Линденов осел у стены, уставившись в пространство невидящими глазами. Его кожа побелела и стала восковой, словно из него выкачали всю кровь. Сквозь дождь и мрак Николас не видел никаких повреждений: ни пулевого отверстия, ни порезов, ни следов удушения.

– Что случилось?

София опустилась на колени рядом с мертвым и повернула его голову набок, показав струйку крови, вытекающую из уха.

– Вон они!

Николас поднял голову к окну, где одна из девиц вывешивалась из окна, указывая на них. Несколько мужчин рядом с ней, увидев их, бросились на лестницу, спеша к выходу из таверны.

– Пора убираться.

– Не буду спорить, – кивнула София и рванула вперед, увлекая их в ночную бурю.

Сан-Франциско

1906

3

Этта ощупью пробиралась по границе своих сновидений, мягко убаюкиваемая волнами памяти.

Плавная качка внезапно сменилась еще более нежными толчками, вторящими ее пульсу. Вокруг в тусклом сиянии свечей кружились лица, шепча, поглаживая шершавыми руками ее покрытую ссадинами кожу. Она потянулась обратно, к прохладному шелку в тени своего разума, в поисках другого источника света, который помнила: луну над бликующей водой.

Он нашел ее первым, как всегда, увидев с другого конца корабля. Та ее часть, что потускнела от потери, снова засияла, заливая светом боль и страхи, пока не осталось ничего, кроме его лица. Волны накатывали в том же ритме, то вознося их вверх, то кидая вниз, а они шаг за шагом шли навстречу друг другу.

И вдруг он – рядом с нею, она в кольце его рук, вжимает лицо в складки грубой парусиновой рубахи, вдыхает источаемый им запах моря, а ее руки скользят по его мускулистой спине, впитывая знакомое тепло. Здесь, здесь, здесь, – не одна, больше не одинока. Бесхитрость чувства проросла в ее груди, расцветая картинами будущего, о котором она мечтала. Жесткая щетина коснулась ее щеки, его губы щекотали ей ухо, но Этта не слышала ни слова, как бы ни цеплялась за него, как бы ни прижимала к себе.

Мир за ее веками снова изменился, вернулись тени – ровно настолько, чтобы она могла разглядеть вокруг и других, увидеть изгиб туннеля метро. Звуки скрипки плыли по воздуху, и она поймала себя на том, что покачивается в такт музыке; она медленно кружится с ним по бесконечной орбите, обхватывает его руку, поглаживая сильные вены и сухожилия, творит мелодию из его пульса, мышц и костей. Стены содрогнулись, грохнули, заревели, и Этта подумала, поднимая взгляд, пытаясь разглядеть его лицо: «Пусть ревут, пусть рухнут к чертовой матери!».

Он склонил голову и попятился. Она пыталась остановить его, схватить за рукав, удерживать пальцы, но он исчез, словно теплый бриз, оставив ее одну, низвергнутую и брошенную.

«Не оставляй меня, – подумала она, чувствуя, как уходит тяжесть, переполняющая все тело, и возвращаясь в себя, дрожа от страха, – только не сейчас...».

Николас ответил ей со смехом: *«А нынче «С добрым утром!» говорим мы душам, в страхе...»*

Этта открыла глаза.

По крайней мере, ее вены больше не горели огнем, как в пустыне. Но она чувствовала себя такой же бесплотной, как пылинки, танцующие вокруг мигающей свечи на прикроватном столике. Она не шевелилась, стараясь дышать ровно, пока оглядывала комнату из-под низко опущенных ресниц.

Прямо у изножья кровати, в кресле, сидел человек.

Этта успела поймать чуть не вырвавшийся вскрик. С кровати ей была видна только макушка густых темных волос. Свет свечи выхватил несколько серебристых прядок. На нем была простая рубашка и свободные брюки, смятые неудобной позой. Одна рука с зажатым между пальцами галстуком-бабочкой держала на коленях раскрытую книгу, другая – свешивалась к полу. Грудь спящего размеренно поднималась и опускалась.

Неприятную мысль, что за нею наблюдали, пока она спала, не в силах ничего сделать, быстро вытеснило осознание, сколь небрежно караульный относился к своим обязанностям.

Порыв ветра высушил слезы и пот на ее лице, встопорщил воротник его рубашки – окно за длинными плюшевыми шторами карминового цвета было открыто.

Медленно, стараясь не издать ни звука, Этта переменила позу, закусив губу от боли, пронзившей ее от макушки до пальцев ног. Глазами быстро обежала комнату: красивый письменный столик у стены, оклеенной обоями с цветочным рисунком, рядом бюро – такое большое, что, казалось, вся комната была построена вокруг него. И столик, и бюро были сработаны из того же полированного дерева, что и ее кровать; по углам, сплетаясь друг с другом, тянулись лианы.

Прекрасная позолоченная тюрьма, не поспоришь. Однако нужно как можно скорее найти выход.

Комнату освещало несколько свечей: на столике, на бюро, на стене около двери. Благодаря неверному свету она смогла увидеть свое отражение в запыленном зеркале; правда, изображение разбивалось огромной трещиной и искажалось неровным стеклом.

О Боже!

Этта протерла глаза и снова недоверчиво рассмотрела себя. Она знала, что в Дамаске ее бледная кожа набрала цвета, но теперь лицо шелушилось от солнечного ожога. Грязные волосы ей заплели в косу, открыв ввалившиеся щеки и синяки. Выглядела она больной, если не хуже. Если бы ей не вымыли лицо и руки, она бы подумала, что ее протащили за такси по Таймсквер. И не раз.

Однако, пожалуй, хуже всего было то, что кто-то, пока она спала, снял с нее всю одежду, надев длинную, до пят, ночную рубашку, чопорно завязанную отвратительно-розовой лентой под самое горло. Этта надеялась, что это был тот же человек, который позаботился перевязать ей плечо и вообще как мог привел ее в порядок. И все же ее передернуло от собственной беспомощности.

Не в силах больше игнорировать жгучую боль, Этта переключилась на левое плечо, и, стиснув зубы, сорвала вызывающую зуд повязку. Слезы брызнули из глаз, когда она дернула ткань, приставшую к липкой коже вокруг заживающей раны.

Смотрелась она отвратительно: неприятно-розовое – цвета не глянцевого новой кожи, а сильного ожога – неровное вздутое пятно. У Этты перехватило дыхание, она заставила себя вдохнуть и отвести глаза в сторону спящего караульного.

Пошли, Спенсер. Сначала беги, а думать будешь потом.

Уверившись, что ее не вырвет от малейшего движения, Этта спустила ноги с кровати, опираясь пальцами о пыльный восточный ковер. Стоило ей только попробовать устоять на своих двоих, как за дверью раздались быстрые шаги.

Этта бросилась на четвереньки, от чего в глазах потемнело чуть не до обморока, и съехала за кроватью.

– ... надо достать...

– ... попробуй ему это скажи...

Голоса стихли так же быстро, как и налетели, но легкий шум в ушах остался – Этта не сразу поняла, что снизу доносились искаженные обрывки музыки. Послышался звон бокалов и громкие голоса, вскипевшие пеной, словно шампанское.

– Поднимем бокалы!

– Тост!

Страх смел остатки замешательства.

«Кажется, мистер Айронвуд, удача еще не окончательно вас покинула».

И Николас, и София предупреждали ее, что у Сайруса Айронвуда полно стражей, стерегущих каждый проход. Она не узнала говорившего, но это было не важно – одного слова, одного этого имени было достаточно, чтобы понять: дела плохи.

Но и эту мысль поглотил другой страх.

Где Николас?

От тех последних мгновений в гробнице память сохранила только обрывки. Этта помнила боль, кровь, ужас на лице Николаса, а потом...

Как будто ее обвязали невидимой веревкой и со всей силы дернули сквозь завесу густой тьмы. Прижав к глазам кулаки, Этта узелок за узелком распутывала свои мысли.

Я осиротела – лишилась своего времени.

Моя временная шкала изменилась.

Мое будущее пропало.

Ее затопил страх, жгучий и удушливый. Все совпадало – все обрывки складывались в то, что ей рассказывали София и Николас. Время схватило ее и швырнуло сквозь череду проходов, выплюнув в последнюю общую точку для старой, знакомой ей временной шкалы, и новой, которую они невольно создали.

Потому что Терны завладели астролябией?

Этта знала: небрежность может изменить шкалу времени, но не настолько, чтобы осиротить путешественников. Для этого требуется *намерение*. Целеустремленность и продуманность. Просто забрать у нее астролябию, не дав уничтожить – мало. Должно быть, они использовали ее. Другого объяснения она придумать не могла. Терны пустили астролябию в ход и бесповоротно изменили – поломали – какие-то ключевые события истории.

И вот она здесь: с Айронвудами, без Николаса.

Перед глазами заплясали разноцветные вспышки, кровь запульсировала в ушах бешеным крещендо боли и отчаяния.

Мама.

Сейчас она не могла думать о ней. Айронвуд обещал убить Роуз, если Этта не вернется с астролябией в срок. Но... Она глубоко вдохнула. Зная – теперь зная – свою мать, Этта не могла не верить, или хотя бы надеяться, что Роуз жива, что она сбежала из плена Айронвудов.

Теперь ее очередь сделать то же самое.

Она заставила себя расслабить мышцы, сковавшие плечо, и начала дышать, как учила Элис, когда ее страх сцены был особенно разрушительным. Тревога и ужас – плохие помощники; Этта вдыхала и выдыхала, пока не вытеснила их из своего сознания, заменив изящным полетом нот. Музыка – тихая, спокойная – заполняла все тени в ее мыслях мягким светом. Воан Уильямс, «Взлетающий жаворонок». Ну конечно. Любимая пьеса Элис – Этта играла ее учительнице на день рождения, всего за несколько месяцев до... до концерта в Метрополитене. До того, как ее застрелили прямо перед проходом.

Хватит думать. Шевелись.

Стоило ей приподняться, как человек в кресле заворочался, с легким вздохом сменив позу. Книга едва не выскользнула из его рук. Этта не дала себе задуматься над странностью, что охранник расслабился до такой степени, чтобы разуться и свернуться калачиком с книжкой.

Это не имеет значения.

Перед ней в прямом смысле слова открылось окно возможностей, и нужно было им пользоваться, пока не поздно.

Рама протестующе скрипнула. Этта выглянула наружу, осматриваясь, и тут же отпрянула.

Высоко в небе плыла луна, освещая побитые развалины города. Огни почти не горели, не считая нескольких фонарей вдалеке, но Этта хорошо видела уходящий вниз склон холма, скособоченные кривые улицы, погребенные под грудями камня и дерева, опаленные пожаром.

Тянуло дымом и солью. Настойчивый ветер приносил чистый и прохладный туман с ближайшего водоема – город словно бы вдыхал его. Из небоскребов будто вырывало целые этажи, окна зияли дырами и выглядели как выбитые зубы. Тут и там попадались недавно отстроенные здания – еще в лесах и с неотделанными фасадами. Хотя многие улицы и даже кварталы были расчищены, масштаб разрушений напомнил ей вид военного Лондона.

На задворках сознания мелькнула догадка, где она, но растворилась, прежде чем Этта успела ее поймать. Более насущным представлялось не «где», а «когда». Мебель, дорогие шторы и постель, омерзительная ночнушка – в пору викторианской кукле, – в которую ее наряжали, разрушения... конец девятнадцатого века? Начало двадцатого?

«Не важно, – подумала она, надеясь подбодрить себя, – единственный выход – через окно».

Ее держали на втором или третьем этаже – точнее сказать было трудно из-за крутого склона под окнами. Стену дома по самую крышу покрывал запутанный лабиринт деревянных лесов, опиравшихся на длинные балки, вкопанные в землю.

Этта вытянула руку, оценивая расстояние до ближайшей опоры. Пальцы легко обхватили неструганное дерево, и, не успела она задуматься, взвесить все доводы, почему эта мысль никуда не годится, как уже взобралась на подоконник, перекидывая ноги на карниз и дальше – на ближайшую горизонтальную планку.

– Чистое безумие, – пробормотала она, пробуя ногой, способна ли конструкция выдержать хотя бы часть ее веса. Сколько раз в детстве она слышала в новостях о рухнувших в Нью-Йорке строительных лесах?

Восемь. Ровно восемь.

Кровь отлила от головы, и ей пришлось подождать под нетерпеливый стук сердца, пока вернется чувство равновесия. Задержав дыхание, с дрожащими от напряжения руками, Этта перескочила с карниза на деревянную доску.

Та даже не скрипнула.

Отлично. Идем дальше.

В каком-то смысле это напоминало спуск по причудливо сконструированной лестнице. Леса то и дело дрожали под весом Этты, местами зазоры между досками и балками оказывались слишком широкими. Но с каждым шагом она наполнялась уверенностью, даже когда ее толкал ветер, даже вопреки мыслям, что она не знает, куда идти потом, когда спустится.

Этажом ниже из стены дома выпирали высокие эркеры. Что еще хуже, окна в них горели, ярко освещая леса. Этта подкралась ближе, заглядывая внутрь под покровом темноты. Если в комнате кто-то есть, придется пройти по самому краю лесов, чтобы ее не заметили. Но сначала ей хотелось выяснить, кто находится в доме – и немаленьком – и почему привезли сюда ее.

Комната, больше той, из которой она сбежала, была вся увешена внушительными полками темного дерева, которые просто ломились от книг. Перед окном стоял письменный стол и большое широкое кресло, повернутое внутрь, больше ничего – и никого.

– Давай, – прошептала она. – Шевелись, Спенсер!

Она до крови закусила губу, стараясь не плакать от боли всякий раз, как спрыгивала вниз, напрягая раненое плечо. Повиснув на балке, как на турнике, и трясаясь от страха, Этта потянулась ногами к брусу внизу, едва доставая до него пальцами.

Слишком далеко. Руки ныли под ее весом, пока она оглядывалась по сторонам, пытаясь определить, как далеко в сторону ей нужно качнуться или передвинуться, чтобы достичь ближайшей вертикальной опоры и соскользнуть по ней. Нет, не получится, не с обжигающей болью в плече и сотрясающей все тело дрожью.

Не получится. Она снова посмотрела вниз, теперь на землю, на наклонно уходящую по склону улицу, стараясь отогнать видение изломанного тела в тонкой белой одежде, заляпанной кровью. Если приземлиться достаточно мягко, она устояла бы, поймала равновесие...

Неожиданно ее внимание привлек скрип окна прямо перед нею. Сквозь стекло на нее глядело ошарашенное лицо. Этта заморгала, дыхание застряло в горле. Окно растворилось наружу.

– М-да, ну и попала же ты в переделку, матушка...

Увидев тянущиеся к ней руки, Этта, не думая и не говоря ни слова, дрыгнула ногами. Пятки обо что-то ударились, и она с удовлетворением услышала ошарашенное «Мать честная!».

– Это совершенно излишне! – добавил тот же голос, искаженный зажимавшей нос ладонью.

Боль в плече и левой руке прорезала даже страх, заставив пальцы дернуться и ослабить хватку. Ойкнув, Этта повисла на одной руке. Вгоняя занозы под ногти, она впиалась пальцами в дерево, пытаясь найти опору, прежде чем свалиться окончательно.

– Держите руку – давайте, не будьте глупышкой, – уговаривал молодой человек, забираясь на подоконник; Этта, как могла, отклонилась подальше. – Вы серьезно считаете, что сломать шею лучше? Я ранен в самое сердце!

Налетел порыв ветра, швыряя волосы ей в глаза, задирая подол ночной рубашки.

– Меня восхищает ваша решимость, но поймите наконец: достаточно одного моего крика, и снимать вас кинется рой рассерженных Тернов. В том, что вы хотите умереть, я тоже сомневаюсь, так что давайте проще: я помогу вам забраться внутрь и покончим с этим.

– Терны? – брови Этты съехались от удивления. *Не Айронвуды?*

Она не услышала потрескивания, но дрожание балки под рукой почувствовала сразу. Вся система лесов, подталкиваемая ветром, заваливалась влево, послышался громкий хлопок, и что-то, пролетая мимо, ударило ее по больному плечу.

А потом начала падать и она сама.

4

Все произошло слишком быстро – Этта даже вскрикнуть не успела. Вот она падает, а вот ее хватают обеими руками за запястье, чуть не выдернув руку из плеча, и в лицо летит бледный фасад здания. Поцарапав щеку о шершавый камень, Этта зажмурилась, а леса, содрогаясь, складывались и рушились на старомодные авто, припаркованные у дома.

– Подтянись, эй! – скомандовал молодой человек напряженным голосом. Этта помотала головой. Раненое плечо одеревенело, а вся левая рука от ключицы до кончиков пальцев, казалось, была заполнена прожаренным на солнце песком.

Тогда он высвободил одну руку и потянулся к вороту ночной рубашки. Громкий рык, и вот она поехала вверх, ссаживая ноги о стену. Этта не дышала, пока не почувствовала под локтями подоконник, потом ее швырнуло через него на юношу, растянувшегося на ковре.

Едва приземлившись, она тут же скатилась с него, перевернувшись на спину. Все тело гудело от боли и адреналина, а сердце некоторое время билось так громко, что Этта ничего не могла слышать за его бешеным стуком.

– Что ж, это было волнующе. Всегда мечтал о спасении девы в беде, но вы доставили мне подобное удовольствие дважды.

Этта приоткрыла один глаз, поворачиваясь на голос. Рядом, полулежа на локте, молодой мужчина оценивающе рассматривал ее с видом истинного ценителя. Резко сев, она отползла к столу, как могла, увеличив расстояние между ними.

Очень молод – ее возраста или чуть старше; короткие каштановые волосы, слегка осветленные рыжеватыми прядками, стоят торчком – Этта с ужасом осознала, что буквально вцепилась в них, ища опору, когда стукнулась о стену здания. Не застегнутый ворот рубашки вывернулся наизнанку – владелец явно накинул ее, не задумываясь о внешнем виде. Поскребывая намечавшуюся щетину на щеке, он внимательно изучал ее пронзительным взглядом голубых глаз, теплевшим от какой-то невысказанной шутки.

Его голос... глаза.

Айронвуд.

Этта поднялась на ноги, но путь ей преграждал большой письменный стол. Он сказал, они у Тернов, что могло быть правдой, только если сам юноша сбежал от Сайруса Айронвуда, переметнувшись на их сторону. Или, как и она, был пленником.

Или наврал. Но, если он сказал правду, то... она попала именно туда, куда хотела.

К людям, укравшим у нее астролябию.

– Полагаю, вам удалось меня напугать – у меня достанет мужества признать это...

– Где я? – оборвала его девушка.

Он чуть не вздрогнул от того, что она заговорила, но встал и принес ей бокал янтарной жидкости с углового столика.

– Голос у вас такой же ужасный, как и вид, детка. Глотните.

Этта гневно взглянула на пойло.

– Ох, с вами никакого интереса, – он даже слегка надул губы. – Очевидно, вы хотите воды. Подождите здесь, только без шума – мы же не хотим поднимать тревогу прямо сейчас, да?

Этта, не понимая толком, что он имеет в виду, подчинилась и молча наблюдала, как юноша подошел к двери и просунул голову в коридор.

– Эй ты, – ты, ты, – принеси воды. И, черт тебя подери, не вздумай плюнуть в стакан – ты всерьез думаешь, что я настолько не искушен в подобном искусстве, чтобы не заметить?

Раздраженный ответ последовал незамедлительно:

– Я тебе не слуга, провались к чертям собачьим!

Так значит, охрана тут все-таки есть. Осталось только понять: охраняют ли они его или себя *от* него.

– Насколько я помню, официальное повеление твоего господина и командующего было: «Давать дорогому мальчику все, что он пожелает». Дорогой мальчик желает воды. И быстро. Ноги в руки и вперед. Спасибо, старина.

Этта поджала губы. Определенно Айронвуд. И, судя по всему, определенно работающий с Тернами.

– Я тебе не...

В ответ юноша захлопнул дверь и обернулся к Этте с довольной ухмылкой.

– Такая серьезная банда – чуть что, сразу заводятся, – прошептал он, подмигивая. – Ух, мы с вами теперь и позабудемся!

Этта ответила ему мрачным взглядом. *Вряд ли.*

Мгновение спустя дверь распахнулась, и в комнату просунулась рука со стаканом мутной жидкости. Едва юноша взял его, дверь с треском захлопнулась. На этот раз Этта расслышала щелчок закрываемого снаружи замка.

– Ты что, зачерпнул воды из ванны, в которой мылся? – закричал молодой человек через дверь.

– Тебе бы еще повезло!

Он еще продолжал бормотать себе под нос, когда пересек комнату и вручил стакан Этте. Вода была коричневатой от гнили, с какой-то подозрительной взвесью.

Увидев ее лицо, юноша поспешил объяснить:

– Извините, положение с водой после землетрясения пока аховое – можете себе представить. Но от нее никто не заболел, – чуть позже, когда она уже пригубила жижу, он добавил: – Пока.

У воды действительно был странный привкус – отчасти металла, отчасти грязи, – но Этта выпила ее в два глотка. Руки все еще дрожали от чудовищного напряжения.

– Где я? – требовательно спросила она. – Когда?

– В Сан-Франциско. Двенадцатого октября 1906 года. Вы были в отключке несколько дней.

Эттины ноги, казалось, погрузились в ковер еще глубже под весом обрушившихся на нее слов. Тринадцать дней. Она потеряла тринадцать дней! Николас мог быть где угодно. София могла быть где угодно. А астробия...

– Мы мельком познакомились посреди пустыни в Техасе, когда вас только выплюнул проход. Вы, вероятно, помните?

– Рассчитываете на «спасибо»? – ошетинилась Этта.

– А разве не заслужил? Вам чертовски повезло, что нас выбросило через один и тот же проход. Я спас вас и от ближайшего стража, и от койотов, круживших неподалеку. Честно говоря, мне нравится думать, что кабы не я, старшой сейчас опускал бы в могилу ваши изорванные в клочья останки.

Его слова, по крайней мере, подтвердили ее подозрения: во временной шкале что-то изменилось, осиротив всех путешественников, рожденных после определенной даты. Закрыв глаза, Этта глубоко вдохнула через нос, чтобы успокоиться.

– Что изменилось?

– А что изме... А, вы про шкалу времени? Судя по вечеринке, на которую меня «забыли» позвать, шкала изменилась именно так, как они надеялись. Недоумки, заправляющие здешним притоном, что-то говорили насчет России, которая проиграла, но выиграла. Пьяный бред. Почему мы по-прежнему среди живописных руин разрушенного землетрясением Сан-Франциско, остается только гадать. Поживите с этими людьми подольше, и, уверяю вас: вам покажут все самые грязные места любого столетия.

– Вы даже не спросили их, что ли? – гнула свою линию Этта, нисколько не впечатленная. – Какой год?

Он ответил чуть укоризненно:

– Я же сказал, 1906.

Этта проглотила рвавшееся наружу раздражение.

– Да нет, я спрашиваю: какой год был в Техасе?

– Не вполне уверен, что мне стоит говорить...

Этта кинулась на него, едва сдерживая слова, кипевшие на языке. Она не даст ему скрыть от нее последний общий год – единственный способ проследить ее путь до Дамаска и Пальмиры.

– Ой, нет...! – он вскочил и попятился от нее. – У вас точно такой взгляд, какой был перед тем, как вы ударили меня по носу. Уверяю, они убрали все, что могло бы послужить оружием.

Этта взглянула на стакан в руке, затем снова на него, выгнув брови.

– Я стала очень изобретательной за последние несколько недель. Думаю, смогу справиться с одним второстепенным Айронвудом.

– Второстепенным? – ахнул он, разрываясь между изумлением и возмущением. – Вы что, не знаете, кто я?

– Нет. Вы были так заняты восхвалением себя любимого, что не удосужились даже представиться. Но, сдастся мне, вы знаете, кто я?

– Все знают, кто вы, – пробормотал он недовольно. – Но как низко пал я, что мне самому приходится представляться!

Заложив одну руку за спину, он прижал другую к сердцу и театрально поклонился.

– Джулиан Айронвуд к вашим услугам.

* * *

Должно быть, неверие разлилось по всему ее лицу – его улыбка из насмешливой стала сардонической. Он явно ожидал не такой реакции.

Джулиан Айронвуд? Этта издала короткий сдавленный смешок. Путешествия во времени уже предоставили немало поводов для удивления: хоть бы и встречу с восемнадцатилетней учительницей скрипки, которую с рождения знаешь пожилой женщиной. Но, как ни удивительно, подобный опыт не делал встречи с умершими легче. Этта старалась придать лицу нейтральное выражение, понимая, что пялиться на него в ужасе означало бы зажечь какие-то огонечки в его голове.

Николас не раз предупреждал ее об опасности сообщать кому-либо его судьбу – знание о том, как и когда человек умрет, могло повлиять на выбор, который он сделает, и, потенциально, на шкалу времени. Элис тогда помогла ей найти выход, прямо запретив говорить, что ее ждет, но сейчас...

Этта прикусила губу. Казалось, она уже сроднилась с чувством вины, переполнявшим ее сердце. Просто... это ж надо было встретить брата Николаса, и где?! Почему Николас никогда не упоминал, что Джулиан какое-то время был в плену у Тернов?

– Либо мой обожаемый дедуля-садист сотворил с вами нечто совсем уж ужасное, либо вы хотите сообщить мне, что я умер – довольно глупой смертью, по правде говоря, – сорвавшись со скалы. В последнее время мне попадаются только эти два варианта.

– Вы... – Этта захлебнулась словами, отворачиваясь. – Я не хотела, просто...

– Да успокойтесь вы! Не переживайте понапрасну. Как нетрудно заметить, я не умер.

– Подождите... – начала она, подходя поближе, чтобы рассмотреть его лицо. Глаза сияли тем же голубым льдом, как и у Сайруса, за щетиной и усмешкой скрывались те же скулы и длин-

ный прямой нос, что придавали такую властность лицу старика. И та же фирменная Айронвудова тяга перехватывать инициативу в любом разговоре, даже самом коротком...

– Вы живы, – наконец, смогла выговорить Этта. – Вы... все-таки не погибли?

Он размазился, явно наслаждаясь темой, и жестом обвел себя с головы до ног.

– Жив, здоров и невредим. Дьявольская удача, как говаривал дедуля. Забавно, учитывая, что дьявол – это именно он и есть...

– Что произошло? – прервала его самодовольное кукареканье Этта.

Его ухмылочка уже доводила ее до бешенства.

– Лучше расскажите, что, *на ваш взгляд*, произошло?

Этта, невесть откуда добыв еще порцию терпения, смогла приручить гнев настолько, чтобы выговорить:

– Была гроза... Вы поскользнулись на тропе, ведущей к монастырю Такцанг-Лакханг...

– Неужели дедуля разболтал всему свету такие подробности? – удивился Джулиан, приглаживая волосы. – Всю жизнь так защищал честь семьи, а тут, видимо, не смог удержаться – так хотелось выставить меня полным идиотом.

В его речи звучал едкий подтекст, не вязавшийся с шутливым тоном. Этта снова внимательно на него посмотрела: сутулая фигура, неряшливая одежда, блеск в глазах, который она поначалу приняла за озорной, – и вновь задумалась, какая его часть была настоящей, а какая – просто приросшей маской.

– Я думал, он станет... – Джулиан продолжал расхаживать взад-вперед, теперь уткнув глаза в пол. – Он не...? Я никогда не слышал про что-то типа поминок или...?

Этта подняла брови:

– Я не знаю. Могу лишь предполагать.

– Не то чтобы это имело для меня какое-то значение, – быстро добавил он, помогая себе жестами, – но в некотором роде... пошловато исчезать в клубах снега и тумана. Хочется знать, что... ладно, на самом деле не важно. Все это ерунда.

– Прекратите...! Прекратите ходить туда-сюда, вы меня нервируете, – не выдержала Этта. – Вы можете хоть секунду постоять спокойно и объяснить мне все по-человечески?

Он вскочил на угол большого стола, смиренно сложив руки на коленях. Его босые ноги продолжали раскачиваться, молотя по дереву, и Этта поняла, что просит невозможного. Он не только не умолкал, но и не мог избавиться от избытка бурлившей в нем энергии, чтобы посидеть спокойно.

– В данном случае меня осиротили все те же Терны, – начал Джулиан. – Три года назад они использовали проход в Нью-Йорк 1940-го года, чтобы поджечь Всемирную выставку, ударив по дедушкиному бизнесу в том времени. И в то же самое время я имел глупость свалиться с горы в Бутане. Поскольку я родился в 1941, меня выбросило сквозь проход в 1939 год, который на тот момент...

– Был последним общим годом для старой и новой шкал, – нетерпеливо закончила Этта. Ей казалось, ее мозг сейчас взорвется ото всех этих шкал времени, меняющихся по прихоти путешественников и жизненных путей каждого, которые шли строго прямо, даже когда сам человек прыгал из столетия в столетие. – Я тоже родилась после 1940 года, однако не осиротела.

– Значит, изменение коснулось того года, но не пошло дальше 1941. Уверен, вы слышали об этом уже тысячу раз: как временная шкала поступает с возмущениями.

Этта знала. Время само исправляет себя, подобно потоку воды, налетевшему на камень, а не дороге, необратимо сворачивающей в сторону. Интересно.

– В тот раз меня хотя бы на Мальдивы выбросило – неплохие получились каникулы. Пока я нашел необходимые проходы и вынырнул из неизвестности, до меня дошли слухи о моей предполагаемой гибели, и я решил выжать из этого как можно больше.

– А вам не приходило в голову – хоть разочек за все эти годы, – что, может быть, – я не знаю, – стоило бы сообщить кому-нибудь, что вы живы?

Николасу? Софии? Кому-нибудь другому из своей семьи?

Джулиан соскочил со стола и пошел вдоль книжных полок, водя кончиками пальцев по скругленным корешкам книг. Он напоминал кота, беспокойно и внимательно вышагивавшего перед окном.

Если бы она не слышала этого лично от Николаса, Этта ни за что бы не поверила, что они вообще родственники. В них не было ничего общего. Если Николас передвигался уверенными широкими шагами, даже когда сомневался в том, что делает, то у Джулиана каждое движение сквозило беспокойным возбуждением. Он не был и таким высоким, как Николас, а его тело не шлифовалось годами тяжелой работы на корабле. Слова в устах Джулиана налезали друг на друга, словно боролись за право выскочить первыми, а Николас внимательно отмерял каждое свое слово, зная, что все они могут быть использованы против него. Джулиан, казалось, трещал по швам, в то время как Николас непоколебимо держал чувства в узде.

Потому что ему приходилось...

Потому что он – нежеланный ребенок в семье, презираемый обществом, – никогда не обладал правами, полученными Джулианом по факту рождения.

В ней вскипел гнев, живой, яркий, как теснящиеся на стене портреты. Если перед нею действительно Джулиан Айронвуд, то это тот же самый человек, что беззастенчиво пользовался любовью Николаса, тот, кто отворачивался от брата и считал едва ли кем-то большим, чем слугой, вместо того, чтобы по-настоящему научить его всему, что требовалось знать путешественникам.

«Я – глупец, – признался ей как-то Николас, – потому что, несмотря ни на что, он был мне братом. Я никогда не считал его никем иным. А вот для него все явно было не так».

Джулиана не хватило даже на то, чтобы сообщить своему единокровному брату о себе. Он с легким сердцем оставил Николаса годами мучиться чувством вины, ставить под сомнение честь и порядочность, обрек его на ссылку и ярость Айронвуда.

Все это время Николас страдал – и за что?!

Ни за что.

– Понимаешь, детка, я проболтался в свободном полете, живя как все: почти без денег, постоянно влипая в разные истории. Мне стало скучно. А тут Терны. Я подумал, что могу продать им кое-какие сведения о дедушке, попытаться выменять их на постоянный харч и крышу над головой.

Он взглянул на нее, словно ожидая от Этты сочувственного сюсюканья. Она не отрывала глаз от бронзовой люстры над головой, до боли в пальцах вцепившись в край стола. *Не надо. Он того не стоит.*

– Кстати говоря, – продолжил Джулиан, поворачиваясь к ней, – я бы хотел вернуться к вам... Мать честная!

Этта с наслаждением почувствовала пульсирующую боль в костяшках, когда ее кулак врезался ему в щеку, и Джулиан, не устояв на ногах, мешком шлепнулся на пол. Он глядел, вытаращив глаза и зажимая красную отметину на лице, как она трясет ушибленной рукой.

– За что, черт побери? – изумился он.

– Вы хоть представляете, – начала Этта, повышая голос с каждым словом, – что ваша «смерть» сделала с вашим братом? Вы не задумывались, через что ему пришлось пройти – через что его заставил пройти ваш болван-дедушка?

– С братом? – тупо повторил Джулиан. Желание врезать ему еще раз, на этот раз ниже пояса, должно быть, нарисовалось у нее на лице – бедняга замолотил руками и ногами, отползая по ковру спиной вперед.

Но тут, к ее удивлению, он выдавил:

– Но... Откуда вы знаете Ника?

Этта внимательно изучала его. Он выглядел неподдельно потрясенным то ли ее оплеухой, то ли упоминанием Николаса, то ли и тем, и другим. Не зная, насколько ему можно довериться, она ответила уклончиво:

– Немного с ним путешествовала.

Джулиан наморщил лоб:

– В интересах бабушки?

Она покачала головой, но не успела подобрать нужное слово, как в замке звякнул ключ. Ей следовало бы присесть за стол, спрятаться, но она так и осталась стоять, нависая над Джулианом. Дверь со стоном отворилась, и в комнату ворвались два человека с пистолетами, оба в брюках и простых белых рубашках; оба окаменели при виде ее. Первый, с лицом наполовину скрытым темными пышными усами, даже отступил на шаг назад, перекрестившись.

– Иисусе! – воскликнул второй, глянув на первого. Он был чуть ниже, светлые волосы – те, что еще не выпали, – коротко острижены. – Так парни правду говорили. Это чертов призрак Роуз Линден!

Другой просто снова перекрестился.

– Вы разве не должны меня охранять? – пожаловался Джулиан. – Эта девушка явно не в себе...

– Не то слово! – согласился темноволосый. Теперь Этта узнала голос, препиравшийся с Джулианом насчет воды. – Как, во имя господи, вы сюда попали, мисс?

– Думаю, интереснее спросить, почему вам потребовалось почти полчаса на то, чтобы обнаружить мое исчезновение? – усмехнулась Этта, нащупывая за собой стакан, оставленный на столе. Прежде, чем кто-либо успел ответить, она хлопнула им о край столешницы, отбив верх и оставшись с зазубренной «розочкой» в руках. На одно безумное мгновение в памяти всплыли уроки Софии: куда наносить удар, как перерезать мужчине горло.

Возьми себя в руки, Этта. Ей нужно задержаться здесь, найти астролябию, но ничего не получится, если ее запрут под замок. Однако какая-то ее часть не могла смириться с тем, что эти люди видели ее слабой, беспомощной, и игнорировать эту часть она тоже не могла. Они должны понять: пленница будет защищаться, если ее к чему-либо принуждать.

– Полегче на поворотах! – закричал Джулиан и поинтересовался у стражей: – Вы ничего не собираетесь делать?

Светловолосый поднял маленький черный пистолет, потом выругался и засунул обратно за пояс.

– Пойдемте, милочка, время вернуться к себе в комнатку.

Этта взмахнула перед ним своим самодельным оружием, не обращая внимания на горячую липкую кровь, растекающуюся по порезанной ладони.

– Я так не думаю.

Глухие шаги за стеной переросли в громовой топот, музыка оборвалась с громким скрежещущим стоном. Послышались обрывки голосов: «Пропала!», «Найти ее!» и цветистая палитра ругательств, способных вогнать в краску даже команду Николаса.

– Она здесь! – закричал темноволосый. – В кабинете!

Паническая суeta стихла, перекрываемая одним голосом:

– Благодарю! Дай бог, с суматохой на сегодня покончено.

Оба стража выпрямились – низенький даже предпринял попытку превратить обвисшую на шее тряпицу обратно в подобие галстука-бабочки. В темном углу комнаты появился человек, державший руки в карманах брюк.

– У нас все под контролем, сэр, – быстро отрапортовал темноволосый. – Я как раз собирался вернуть девушку в ее расположение.

– Хорошо, – весело ответил вошедший. – Но мне кажется, под контролем тут все держит именно она.

Он ступил в область бледного света, давая Этте возможность наконец-то себя рассмотреть. Это был тот, кто караулил ее в комнате. Темные глаза обежали зал, внимательно изучив каждого, но задержались на ней столь решительно, что остальных словно бы вымело из комнаты, оставив их наедине.

От его присутствия стыла кровь, но капля стеснения, которую она чувствовала при нем, не шла ни в какое сравнение с наводнением, затопившим ее, когда Этта вспомнила, где его видела. Она даже не заметила, что осколок стакана выпал у нее из рук, пока тот не цапнул ее по ноге и с грохотом не покатился по полу.

Черные как смоль волосы, прорезанные серебристыми нитями... грубые черты лица... она видела его сейчас не в поношенных штанах и растянутой белой рубашке, но в классическом смокинге с белой манишкой, очках в серебряной оправе, выходящим из Большого зала музея Метрополитен. В двадцать первом веке.

– Узнала меня, – отметил он с легкой ноткой одобрения.

Неужели и вправду думал, что не узнает?

Этта не только врзалась в него, чуть позже он сам бежал к ним с Софией, когда они нашли Элис умирающей в луже собственной крови. Как будто знал, что это могло случиться.

Или был тем, кто нажал спусковой крючок.

Два стража немедленно пододвинулись ближе к нему, словно притянутые невидимым полем.

При взгляде на Джулиана в его голосе прорезалась острая грань:

– Почему мне пришло в голову первым делом проверить именно эту комнату?

– Это она набросилась на меня! – запротестовал Джулиан, показывая на окно. – Я не лез не в свое дело. В кои-то веки.

Человек перевел взгляд темных глаз на Этту, и на этот раз она заставила себя ответить тем же. Уголки его рта снова поползли вверх.

– Не стану спрашивать, как ты сюда попала, – полагаю, гора рухнувших лесов перед домом, – достаточно красноречивый ответ. Скажи мне, тебе ни на секунду не приходило в голову, что так и шею свернуть недолго?

Он был столь спокоен и говорил столь уравновешенным голосом, что остальные на его фоне казались маньяками. Сама его величавая и в то же время расслабленная поза будила в ней желание вывести его из равновесия, просто чтобы проверить, сколько ему нужно, чтобы взорваться, где начинается граница его гнева. «Это могло бы пригодиться позднее, – подумала она, – при попытке заставить его проговориться насчет астрологии и места, где Терны ее держат».

– Знаете, – заявила Этта, – вы заставляете меня жалеть, что этого не случилось.

Она вытерла липкие ладони об ужасную ночную рубашку, с подозрением встречая теплый смех мужчины и искорки веселья в его голосе. Тот повернулся к лысеющему охраннику, хлопая его по груди тыльной стороной ладони:

– Говорил я тебе: она – боец? Скажешь, нет?

– Говорили, – подтвердил охранник. – Сэр, я готов понести полную ответственность за...

«Сэр», махнув рукой, похлопал стража по плечу:

– Это я был там и проспал ее побег. Скажи Уинифред – пусть оденет ее и приведет ко мне в спокойном и приличном виде, хорошо?

– Да, конечно, сэр, – ответил охранник, чуть ли не обмякая от облегчения.

– Я никуда с вами не пойду, – заявила Этта, делая шаг вперед. – Я даже не знаю, кто вы! По какому праву вы тут мною распоряжаетесь?

Плечи незнакомца, уже развернувшегося было к двери, окаменели. Он обернулся через плечо, но блики свечей на стеклах очков скрывали выражение его лица. Джулиан кашлянул, пряча то ли смешок, то ли смущение.

– Мое имя – Генри Хемлок, и ты здесь в моем распоряжении, – проговорил мужчина. – Ты будешь делать то, что я скажу, потому что я твой отец и нам нужно *многое* обсудить.

Нассау

1776

5

Буря кончилась к рассвету, явив толику милосердия после ночи, открывшей новые грани слова «бедствие». Николас с Софией плелись по все еще затопленным улицам, следуя вдоль водостока к побережью. Проснувшиеся слуги выходили на балкончики ярко окрашенных двухэтажных деревянных домов – выбить половики и опорожнить ночные вазы, отчего маленький городок стал казаться одним большим ночным горшком. После особенно неудачного плюха, в подробности которого Николас не осмелился вникать, настроение Софии из прокисшего стало просто тухлым.

Им несколько часов пришлось бегать от хозяина таверны – сукин сын выслал целую банду моряков и «Красных мундиров» – найти кого-нибудь, кто бы ответил за понесенный им ущерб от драки, назначив виновниками именно их, вопреки собственному более чем добровольному участию. Игра в прятки не оставила им времени на поиски вора. Оказалось, даже нечастый в Вест-Индии китаец не привлекал к себе столько внимания, чтобы можно было отследить его путь. Николас в который раз поймал себя на мысли, не выпил ли он больше, чем следовало, и не привиделся ли ему этот китаец.

Но и девицы, и их клиенты наверху тоже его видели, так что...

Николас замер, поворачиваясь спиной к гавани. Не мог ли китаец пробраться на корабль? Будь он не просто предприимчивым любителем легкой наживы, высматривающим, у кого бы что стянуть, а кем-то из Айронвудов, то постарался бы отчалить с первым же судном. Чем больше Николас вертел в голове мысль, не прошерстить ли порт, тем больше укреплялся в этом решении. Слухи распространяются в среде моряков подобно блохам, и, несомненно, на человека с такой внешностью кто-то все же должен был обратить внимание. Кто-то мог знать, где он остановился и не планировал ли отплыть в ближайшие несколько дней.

«Лопни твои глаза, Роуз, – не в первый раз подумал он. – Не могла сама прийти и избавить нас от хлопот?»

София продолжала двигаться вперед, даже когда он почти остановился. Оторвавшись на добрых три корпуса, она, наконец, обернулась

– Ты внезапно решил взять отпуск? Пошли! Хочется закончить эту чертову игру в кошки-мышки.

– Ты иди, – ответил Николас. – Я хочу проверить другую доро...

Не успели слова слететь с языка, как она уже протопала к нему, расплескивая грязную воду насквозь промокшими ботинками так, что долетало даже до лица.

– Что еще за дорога? Или мы теперь называем «дорогой» действия наобум?

Он глубоко вздохнул, чтобы сдержаться, и заговорил, тщательно взвешивая каждое слово, стараясь не открыть ей ничего, что она могла бы использовать сама, – не хотелось вручать ей нож, который потом воткнется ему же в спину.

– Хочу сходить в гавань: не слышал ли там кто про нашего вора.

– Отлично, – проворчала девушка, поворачиваясь в том направлении. – Это не займет много времени.

Николас покачал головой:

– Возвращайся на пляж, отдох...

– Знаешь что, – перебила его София, сжимая бледные кулачки и прожигая его взглядом, – понять не могу, как Линден выдерживала путешествия с тобой. Я уже через пару часов нашего «напарничества» захотела выбросить тебя в окно.

Николас удивился, как быстро и горячо его переполнила ярость. Усталость, голод, разочарование – он мог придумать любое оправдание, но правда заключалась в том, что София ткнула в ту рану на его сердце, что все еще кровоточила.

– Только произнеси еще раз ее имя. Хочешь проверить мою реакцию? Милости прошу, мэ.

София хмуро посмотрела на него.

– Я *имела в виду*, что не понимаю, как она могла выносить вечную игру в дурацкие предлоги и глупую мужскую доблесть, которую ты так лелеешь: «оставайся здесь, возвращайся, не двигайся, иди вперед»... Ты не моя гувернантка, а я не один из твоих людей на том дурацком чертовом корабле, так что хватит мне тут приказывать! Попробуй оставить меня позади, попробуй отослать – еще хоть раз – и получишь пулю. Кое-куда.

– Напомнить тебе, – спросил Николас, ненавидя то, как быстро ей удалось довести его до белого каления, – что это именно ты с головой нырнула в кружку вчера вечером и вместо того, чтобы вести себя разумно и скрытно, стала *наливать из пистолета*, да еще и мимо, посреди переполненной таверны? Что только вчера ты затеяла перебранку с британским военным, потому что тебе «не понравилось то, как он на тебя посмотрел», и нас чуть не бросили в тюрьму?

– Что было бы всяко лучше того места, где нам пришлось ночевать, – проворчала она.

«Она никогда не начнет уважать меня, – подумал он, испытывая тошноту от ненависти. – Всегда будет считать ничем».

– Однажды в твою честь назовут смертельную болезнь, – устало заметил он.

– Надеюсь, особенно паскудную, – тут же парировала она. – Мечтаю о славе!

– С самого начала ты относилась ко мне как к какой-то крысе, – продолжал он, оставляя без внимания ее ухмылку. – Хочешь знать, почему Эгта меня *терпела*? Да потому что мы были напарниками, потому что доверяли друг другу, и потому что она могла сама о себе позаботиться. А ты, кажется, задалась целью свести нас обоих в могилу. И, хотя ты, возможно, считаешь себя расходным материалом, я хочу убедиться, что она выжила, несмотря на *твое* вероломство.

Николас уже приготовился к ее неизбежному презрительному ответу, к обожаемой ею снисходительной усмешке, но София вопреки ожиданиям стащила шляпу и принялась развязывать лоскуток кожи, которым прихватывала свою короткую косичку, молча распуская и перебирая волосы.

Они не выделялись на фоне мужчин, вываливавшихся из трактиров и таверн с заспанными и остекленевшими глазами, – жертв ночного разгула. Некоторые даже пытались заправить рубашки в штаны. Николас покачал головой. Капитан Холл сбросил бы любого из них за борт, посмей они заявиться в таком виде.

Холл. Он послал весточку, что жив и в целом здоров, но еще не получил ответа. И, скорее всего, не получит, пока они не вернутся в порт. Николас не сопротивлялся легкому эху тоски по искушению взойти на борт корабля, исчезнуть за горизонтом, по простоте подобной жизни и по тому, как быстро она примет его обратно с распростертыми объятиями.

Кто-то засвистел мотив похабной трактирной песенки, матросы зафыркали. И внезапно, неожиданно для Николаса, портовый город стряхнул с себя остатки ночного сна. «Красные мундиры» наводнили улицы: подтянутые фигуры с начищенными пуговицами выглядели еще аккуратнее на фоне окружающего хаоса. Телеги застонали и заскрипели под весом грузов, перевозимых в город и из города, жители засновали туда-сюда. Зеленые пальмы и кустарники казались раскрашенными солнцем, сияя от удовольствия под его жаркими поцелуями, как всегда после изрядной бури. Старая крепость на западе возвышалась над городом четырехконечной звездой, высокие стены подмигивали на солнце мокрыми серыми камнями.

– Пошли, – сказала София, кивая в сторону кораблей в бухте. – Мечтаешь о побеге, так вот тебе: две, три – четыре возможности под рукой.

– О чем ты? – спросил он, прогоняя мысли, как это чертовски раздражает, когда она читает его мысли. – Все никак не протрезвеешь?

– Просто очень наблюдательна, – ангельским голоском пропела она.

– Как бы ты ни думала, будто знаешь что-то, уверяю тебя: ничего ты не знаешь.

– Я знаю, что ты понапрасну терял здесь время. Знаю, что тебя не очень-то волнует астробия, а волнует лишь первая девчонка, остановившая на тебе свои голубые оленьи глазищи.

– Неправда, – возмутился он. – И потом, разве у оленей бывают голубые глаза?

– Тогда что мы тут до сих пор делаем? – с вызовом поинтересовалась София, упирая руки в боки. – Уж не надеешься ли ты, что, прожди мы тут подольше, женщина найдет свою дочь и приведет ее тебе прямо сюда? Нам не *нужно* ничего выяснять про последний общий год. Это несущественно. Если астробия у Тернов, они путешествуют с нею, и найти их – значит, скорее всего, найти прибор. Но ты ведь о таком даже и не думал, признайся?

Он устал, ужасно устал от Айронвудов, от путешественников, от всего этого вмешательства в жизни невинных людей и лишений, которые тем приходилось терпеть из-за жадности и ненасытных притязаний его «родни». Ему уже хотелось сказать: «Пусть Айронвуд заберет эту проклятую астробию с собой в ад», если бы не урон, который, как он знал, Айронвуд мог нанести времени Николаса.

– Я обещал, – только и ответил он.

– Обещания для святых и неудачников. По большей части мы не держим даже тех, что даем сами себе.

Он кисло посмотрел на нее из-под шляпы:

– Мы с тобою совершенно не похожи.

– Не говори! – хохотнула София. – Но, по крайней мере, наберись мужества признать, что все, чего ты по-настоящему хочешь, – найти Этту.

Большие жизни. Это было сродни выходу в море в ливень – куда бы он ни направился, ему было не уйти от холодного дождя правды. Этта хотела бы, чтобы он завершил начатое, нашел астробию.

И оставил бы ее умирать?

Его пальцы нежно сжались, он почти почувствовал вновь, каково это – держать ее за руку.

И в этом и было все дело. В спокойной уверенности, что он знает ее, как самого себя. Ничто не имело смысла, если Этта погибла; будущее не принадлежало ему, оно принадлежало *ей*, навсегда привязанное к ее мечтам. Он хотел для нее успеха и триумфа, возможности реализовать неутоленные желания ее сердца. Все, что есть хорошего в этой жизни, было ее или для нее.

Временами он ощущал их встречу как неизбежность, даже при всех неумолимо малых шансах. Каждый раз, когда что-то вставало у них на пути, препятствие лишь подпитывало настоящую потребность быть вместе. Но то и дело, глядя ли на огонь в ночи или выкраивая минутку для себя, он попадал в сети сомнения. Они оба так упрямы. Так готовы сражаться против сложившихся правил, против заточения в навязанные извне рамки, что он опасался, не сошлись ли они только из чувства противоречия.

Но потом ее лицо вставало перед ним так же отчетливо, как и в тот миг, когда он впервые ее увидел. Когда его руки трескались от сухости, он воскрешал в памяти ее нежную кожу. Когда мир скукоживался от надвигавшейся зимы, вспоминал тепло ее тела рядом с собой. Когда чувствовал на себе презрительные взгляды, призывал всю неуязвимость, которой она пропитала его благодаря своей вере.

И сомнения растворялись так же тихо, как и налетали, оставляя после себя покой – широкий, как необъятный темный океан. Николас начинал верить, что они найдут то место, о котором она говорила, найдут время, предназначенное им двоим. Он должен был верить.

Прошла уже не одна неделя с тех пор, как время осиротило ее. Если она оправилась от раны, нашла помощь, как он надеялся, то у Этты хватит сил, чтобы выживать дальше и искать дорогу обратно в Дамаск. Возможно, они встретятся на полпути и продолжат то, что начали, перепишут законы этой жизни.

София не отступалась:

– Так иди ищи ее, отчаливай в сторону заходящего солнца, только дай мне...

– Дать тебе...? – подсказал он, когда она не договорила, хотя и так знал ответ. *Дай мне самой найти астрольбию.* Он подавил горькую усмешку. Все лелеет надежду вывести его из игры, избавиться от помехи.

Вместо ответа София отвела взгляд к палаткам и конюшням, снова переходя в наступление:

– А насчет обещания Роуз Линден встретить тебя здесь? Тебя еще не тошнит от сидения на одном месте, сложа руки, ожидая, пока мамочка скажет нам, что делать? Если хочешь, чтобы мы нашли Этту, если ЭТО заставит тебя поднять голову и снова заняться поисками астрольбии, так давай начнем с поисков твоей драгоценной. Мы рискуем, учитывая, что дедуля может добраться до Тернов первым, но, полагаю, на этот риск придется пойти. Это неизбежная цена за кое-чью тошнотворную любовную горячку.

Он внимательно разглядывал ее, нахмурившись. Участие не вязалось с ее натурой, кроме того, обычно ее настолько не занимали тонкости, что Николас не мог избавиться от подозрения, что она затеяла весь разговор ради чего-то большего.

– Не факт, что он вообще знает, что случилось, – начал Николас.

– Не глупи. Теперь он уже все знает. Да, на нашей стороне небольшое преимущество: он больше озабочен поиском Тернов, чем нашим, но и им надо скорее пользоваться. Время на исходе. Пошли!

Как бы ни противно ему было признавать, но София была права. В последние несколько дней Николасу стало ясно, что он единственный собирался играть по правилам, и он начинал задумываться, не были ли правила всего лишь уделом дураков.

– Откуда начнем поиски? – услышал он свой голос. – Как мы установим последний общий год, не обращаясь к другим путешественникам?

Любой Айронвуд или союзник Айронвудов тут же донес бы о них старику за вознаграждение. Без сведений от Роуз искать Этту было все равно что плыть без координат. Он не любил вести корабль вслепую.

– Мы отправимся искать Римуса и Фицхью Жакаранд, как я тебе говорила, – ответила София. – Дедуля назначил им худшее место службы из возможных, когда они приползли обратно, сперва предав его и переметнувшись к Тернам. Спорю на что угодно: они не питают ни капли любви к дедуле и охотно поделятся всем, что знают, за сходную цену. Или просто расскажи им свою трагическую историю, пусти скупую мужскую слезу.

Бить на жалость. Как чудесно. Его терпение внезапно сорвалось с привязи.

– Если их, как ты говоришь, заслали так далеко, кто сказал, что они вообще слышали про изменения временной шкалы?

– Если даже сами не слышали, то смогут навести нас на кого-то, кто может знать. В любом случае поиски не окажутся напрасными.

Николас резко выдохнул через нос, раздумывая над предложением.

София, возможно, впервые за свою жизнь проявляла благоразумие. Они действительно теряли время. И он действительно устал от игр Роуз. Если Жакаранды могли помочь поскорее найти Этту, то это вело их вперед. Даже если они не помогут ему, он, по крайней мере, сможет

утешаться тем, что двигался хоть куда-то, вырвался из тюрьмы бездействия, куда их заточила Роуз.

– Хорошо, – сказал он, уступая. – Попробуем по-твоему. Если с поисками Этты ничего не выйдет, то... мы продолжим искать астролябию своими силами. Обещаю.

София закатила глаза, снова уходя вперед.

– Святые и неудачники, помнишь?

А если София в самом деле охотилась за астролябией ради своих собственных целей, в чем он только еще больше уверился, то их шаткое перемирие закончится, и он сделает все, что в его силах, чтобы прибор ей не достался. Все, что потребуется.

– Быть верным своему слову – основа чести, – отозвался он.

– Чести! – она, казалось, выговорила это слова с отвращением. – Хорошо, что у меня этой ерунды почти не осталось.

Наступил полдень, принося с собой тяжелую давящую жару, казавшуюся в октябре просто нечестной. Они тащились обратно к лагерю в благословенном молчании, София вышагивала впереди, Николас – в несколько шагах сзади, не только потому, что не хотел провоцировать новый разговор, но и потому, что знал: белые мужчины и женщины, мимо которых они проходили, ожидают именно такого поведения от слуги или раба. Николас замотал головой и расправил плечи, словно мог стряхнуть это. Притворство высосало из него последние остатки хорошего настроения, которое он умудрился наскрести в начале дня. А час спустя, когда они, наконец, доплелись до пустынной полоски пляжа, где расположились лагерем, последние следы расположения между ними полностью испарились.

– Чертов ад! – прорычала София и бросилась бы вперед, не схвати Николас ее за воротник рваной курточки.

Одеяла лежали разбросанные в беспорядке, а растянутые между пальмами гамаки были сорваны и брошены спутанными кучами. Их единственный горшок, который Николас спрятал в пышной зелени, чтобы набрать дождевой воды, опрокинули, оставив обоих без капли питья.

При этом вовсе не буря перевернула землю и разбросала их вещи на поживу любому прохожему: перед залитым дождем очагом сидела миниатюрная фигурка, сложив ноги по-турецки и уплетая последние куски вяленого мяса, играя с фонарем, на котором настояла София, наплевав на то, что до изобретения подобных штук оставалось еще целое столетие.

– Немедленно бросьте, сэр! – потребовал Николас.

Человечек поднял голову, с его губы свисала полоска вяленого мяса. Над жгучими черными глазами выгибались густые темные брови, словно кто-то обмакнул пальцы в чернила и нарисовал их. Удивительно тонкий нос и высокие скулы загорели на солнце – единственный изъян на безупречно чистой коже.

Губы незнакомца растянулись в бесстыжей улыбке, зубы удерживали мясо. Зашуршав потрепанной матросской курточкой, он поднял руку в перчатке и легко помахал ею.

Тот вор.

6

Прошло несколько мгновений, прежде чем Николас справился с душившей его яростью и смог заговорить:

– Как ваше имя, сэр? И какое вам до нас дело?

Человек наклонил голову набок, изучающе его рассматривая. Потом заговорил, голосом намного выше, чем ожидал Николас, и на языке, которого он никогда не слышал. Дразнящий смех, однако, не требовал перевода.

София в ответ выпалила целую тираду на том же языке, стерев с лица вора самодовольную ухмылку. Николас разжал руку, все еще сжимавшую воротник ее курточки и стал наблюдать, как девушка ринулась на коротышку. Тот скатился с поваленной пальмы, на которой сидел, отскакивая снова и снова, не давая ей себя поймать.

Николас подозревал, что после всего влитого в себя накануне голова Софии гудела там-тамами преисподней, так что, честно говоря, он не винил ее, когда она полезла в куртку за пистолетом.

Коротышка замер. Николас успел заметить золотой блик чего-то, заткнутого за пояс – ножа? Временное перемирие, по крайней мере, дало ему возможность оценить опасность: на воре был костюм англичанина, но длинные рукава и штанины он подвернул в соответствии со своей тщедушной фигуркой.

– Опусти свою кремневку, ню-шень¹, – приказал коротышка.

София в ответ кинулась на него с рычанием. Двумя текучими движениями человек обезоружил девушку и с силой швырнул на колени, ошеломленную.

Она заворчала, не желая сдаваться, и приподнялась, попытавшись выбить из-под противника ноги. Тот просто отпрыгнул в сторону.

Что-то в лице мужчины изменилось – вместе с внезапно налетевшим порывом довольного девичьего смеха его черты смягчились, стали женскими. София, очевидно, осознав свою ошибку в тот же миг, что и Николас, оборвала следующую атаку, замерев на месте.

Не мужчина.

Женщина!

Николас, недоверчиво склонив голову, внимательно разглядывал вора – воровку. Теперь-то все казалось очевидным: каким же самоуверенным слепцом надо было быть! Но в «Трех коронах» было темно, и он едва успел что-либо разглядеть. Лента, перевязанная у нее под грудью, выглядывала из расстегнутого воротника рубашки.

Китаянка перевела взгляд с Софии на него.

– Прекрати пялиться, гоу², а не то я тебе глаза выколю.

– Мне нужно письмо, которое вы украли, – ответил Николас, не опуская пистолета.

– Ни один из ваших пистолетов не заряжен, – отмахнулась женщина. – Слишком легкие – видно по тому, как вы их держите. И ни у кого нет пороховницы. Да и... – она оглядела их жалкие пожитки, – можете ли вы ее себе позволить?

– Пистолет можно использовать разными способами, – заметил Николас. – Хотите узнать, сколькими?

В ответ ее ангельские губки искривились легкой улыбкой.

– Боюсь, я знаю их больше, бень-дань³.

Он почувствовал, как внутри все сжимается от бритвенно-острого намека в ее словах.

¹ ## (кит. nǚ shén) – богиня.

² # (кит. gǒu) – пес.

³ ## (кит. bèn dà'n) – тупица (букв. «глупое яйцо»).

– Кто... ты... такая? – процедила София сквозь зубы.

Молодая женщина сняла шляпу, бросив ее на песок с видимым отвращением, вытащила длинную черную косу, заткнутую под куртку, а вслед за нею – тяжелую нефритовую подвеску длиной с палец. На ней было вырезано дерево, по виду вечнозеленое: высокое, стреловидной формы. Его ветви были не столь могучи как у некоторых других семейных древ, но все равно крепкие и величавые.

«Чума на все ваши дома», – мысленно выругался Николас, чувствуя, как наваливается усталость. А он-то надеялся, что похитительница окажется простой воровкой, никак не связанной с их тайным миром. «Очевидно, – подумалось Николасу, – такая удача нам просто не светит».

– Хемлок... – начал он.

– Тебя дед подослал? – перебила его София.

Девушка набычилась:

– Я ни за что не стану работать на него. Даже если он предложит хорошую цену за мои услуги.

Наемница, значит. Николас слышал про них от Холла: члены семей Жакаранд и Хемлоков, отказавшихся склониться перед Айронвудом, когда тот захватил власть над путешественниками и стражами и принял выживших в свой клан. Наемники предлагали свои услуги любому путешественнику или стражу, кто был готов платить. Николас часто задумывался, что за поручения они выполняли, останавливаясь на предположении, что в основном они выслеживали отколовшихся членов семьи или потерянное имущество, а, может быть, даже втихомолочку вносили небольшие изменения в историю – так, чтобы те не привели к изменению временной шкалы.

– Зовите меня Ли Минь, – добавила девушка.

– Я буду называть тебя ослиной задницей, если мне будет угодно, – огрызнулась София. – Отвечай, что ты здесь делаешь, пока я не взяла этот нож и не выпотрошила тебя от горла до кишок.

Николас закатил глаза: неужели его рок – находиться в окружении женщин с патологической тягой к убийству?

Девушка улыбнулась:

– С теми, с кем собираешься вести дела, не стоит говорить в таком тоне.

София резко втянула воздух, раздувая грудную клетку, чтобы как следует взорваться, но Николас ее опередил.

– Нам нет до вас никакого дела, кроме как вернуть письмо. Могу ли я рассчитывать, что вы окажете любезность дать хоть какое-то объяснение, зачем вы его взяли? Кто нанял вас его украсть?

И зачем ты здесь, торчишь у нас перед носом, если тебе заплатили выкрасть его?

Если, конечно, она не пыталась зачерпнуть сразу из двух горшков, надеясь, что они с Софией заплатят ей за право взглянуть на письмо.

– Я никогда не говорила, что меня наняли, – заметила Ли Минь. – В моих интересах вникать в дела путешественников, с которыми я сталкиваюсь. Работу найти трудно, знаете ли, и временами мне приходится искать ее, не дожидаясь, пока она сама на меня свалится. Айронвудов здесь за последние месяцы перебивало множество. Но представьте мое удивление, когда я увидела стража Линденов, шмыгающего по пляжам, словно крабик. А потом появляетесь вы с каким-то своими делами...

Не уверенный, что не пожалеет об этом, Николас опустил пистолет и убрал его за пояс. Слегка успокоившись, он начал рассматривать их положение в открывшемся новом свете.

– Если вы украли его, чтобы вернуть за выкуп, то уже знаете, что платить нам нечем, – Николас развел руками, показывая свое бедственное положение.

– Я хочу знать, о чем говорится в письме, – объявила девушка. – Оно какое-то странное. Я верну его вам при двух условиях.

– Я заберу его у твоего трупа! – София выбросила руку, пронзая кулаком воздух. Николас видел, что случится, чувствовал смятение Софии, на добрый фут ошибившейся в оценке расстояния. Ли Минь играючи отклонилась, даже не изменившись в лице, а София, потеряв равновесие, растянулась на земле, подняв фонтан песка.

Вскинув руку к повязке на глазу, девушка едва не завывала от обиды и разочарования. Не в первый раз Николас стал свидетелем того, как она не справляется со своим новым состоянием, и не в первый раз его сердце невольно, вопреки доводам разума, сжалось при виде этого.

Ли Минь оторвала взгляд своих темных глаз от поверженной соперницы и повернулась к нему.

– Я отдам вам письмо, а вы покажете мне, как его читать.

Николас покачал головой:

– Не пойдет.

Если письмо было «каким-то странным», он подозревал, что Роуз зашифровала его так же, как шифровала письма Этте, – обдуманный риск с ее стороны: а что если бы Этта не показала ему, как их расшифровывать? Выносить секрет за пределы семьи ему не хотелось.

Из-за ворота рубашки Ли Минь показался конверт: в бурых пятнах эля, помятый и потрепанный, но целый. То есть был целым, пока девушка не разорвала его пополам. Николас с Софией, вскрикнув, кинулись к ней.

– Если его не прочитаю я, не прочтаете и вы, – предупредила Ли Минь тоном, ставшим из ангельского стальным. И, сложив половинки вместе, начала рвать их дальше.

София повернулась к Николасу:

– Ну и ладно. Пусть порвет это чертово письмо. У нас уже есть план.

«Но это дало бы нам время... найти Этту было бы легче, узнай мы последний общий год сейчас, без промедлений».

– Не делай этого, Картер, – негромким рыком предупредила София.

– Я не покажу вам, как читать письмо, – Николас поднял руку, останавливая Ли Минь. – Но я прочитаю его вам.

– Не пойдет, – передразнила его Ли Минь. – Ты можешь меня обмануть.

– Вы обвиняете меня в бесчестии? – возмутился Николас.

– Да что может Айронвуд знать о чести? – воскликнула девушка, махнув разорванным письмом в его сторону.

– Мое имя – Николас Картер. Айронвуд я только наполовину по крови и ни капельки по духу. И в любом случае я связан честию с семьей Линденов и не раскрою чужаку их единственный способ связываться друг с другом втайне от Айронвуда. Полагаю, вы понимаете меня, учитывая характер вашей работы.

– Семья Линденов мертва, – глаза Ли Минь осветились недоверчивым любопытством. – Осталась лишь горстка стражей.

– Что ж, значит, их методы работают, – усмехнулся Николас, – если вам невдомек, что некоторые их путешественники по-прежнему очень даже живы.

Ли Минь легко кивнула, принимая его объяснение.

– Хорошо, я согласна на это условие. Но у меня есть еще одно.

Девушка снова широко улыбнулась. Николас уже успел научиться бояться этой улыбки. Он стал судорожно перебирать в уме их скромные пожитки и готовить себя к расставанию с ними.

– Я слушаю.

– В качестве платы я бы хотела получить поцелуй, – объявила Ли Минь, переводя глаза с одной на другого. – И чтобы как следует.

Николас замер.

Он ожидал чего угодно: кремневых пистолетов, обуви, услуги, долговой расписки, но... поцелуй? Николас уставился на нее, ожидая, когда же она назовет истинную цену, но девушка просто смотрела ему в глаза, не отводя взгляда.

Николас целовал множество женщин за свои двадцать лет; конечно, не так много, как Чейз, но с ним не мог бы сравниться сам Лотарио⁴. Он был весьма – весьма – далек от святоши, но в последние несколько недель его сердце постановило, что отныне хочет целовать только одну девушку, и он всем своим существом противился самой мысли о поцелуе с кем-то еще.

«Можно поцеловать ее в лоб», – торопливо подумал он. Она же не оговорила, куда именно.

Давай, Картер. Он вытянул руки по швам, пытаясь успокоить нарастающее смятение. Покончи с этим, прочитай письмо и двигайся дальше, – все остальное сейчас не важно. Он не станет думать об Этте, вспоминать вкус дождя на ее губах, когда она поцеловала его в джунглях. Вспоминать, как он был готов поклясться, что видит звезды в ее волосах в ту ночь в Дамаске. Как она заставляла его чувствовать себя надежным и жутко храбрым.

М-да, мысли помогали мало.

– Хорошо, – решил Николас. – Тогда приступим, что ли.

Ли Минь отступила на шаг, черные брови взлетели вверх одновременно насмешливо и надменно:

– Я обращалась к ней.

Последовавшее долгое молчание было физически болезненным. «О, – колесики в голове снова закрутились, – к ней».

– Э-э... Ладно... конечно...

София, уже начавшая было собирать раскиданные вещи, не стесняя себя в проклятиях и ругательствах, известных человечеству, при словах Ли Минь медленно выпрямилась.

– Прошу прощения, мэм, – чистосердечно выговорил Николас, коротко поклонившись. – Простите мою ошибку.

Ли Минь пренебрежительно махнула на него рукой:

– Мужчинам трудно поверить, что они – не боги, спустившиеся на землю, когда к их ногам вынуждены припадать так много женщин.

Он неуверенно пожал плечами. Что здесь не так?

– А теперь ты ждешь, что я припаду к твоим ногам? – спросила София, тоже удивленная.

– Этого никто не требует, – уточнил Николас. – У тебя есть выбор. Как ты говорила, у нас есть другие ниточки, которые надо распутать. Пусть берет письмо и катится к черту.

– О, так ты даешь мне разрешение отказаться? – закатила глаза София.

– Я только хотел расставить все по полочкам... – он закрыл рот, понимая, что «подправил» положение так, что уже не соберешь.

– Чудесно, – отрезала София. Расправив плечи, она только раз обернулась к нему и шагнула к Ли. – Мы бы обошлись и без чертового письма, но если это поможет нам найти людей, которые... Ладно, давай побыстрее с этим покончим.

От Николаса не укрылась ее уловка насчет «людей».

– Приступим? – София сняла шляпу и подошла к Ли Минь, стоявшей с тем же стоическим выражением лица. У Николаса возникло любопытное ощущение, что он наблюдает за дуэлью, причем ни одна из сторон не намерена стрелять в воздух.

Он не спускал руки с незаряженного пистолета на поясе, потому с удивлением обнаружил, что София этого не делает. Скорее, она удерживала свои позиции, ожидая действий другой девушки.

⁴ Лотарио – соблазнитель из вставной новеллы «Дон-Кихота».

София с видимым трудом сглотнула. Ли Минь погладила ее по щеке, заправив выбившуюся прядь темных волос ей за ухо. С нежностью, от которой Николасу захотелось отвернуться, китаянка наклонилась вперед.

– Я подожду, – прошептала она Софии на ухо. – Однажды ты, возможно, захочешь заплатить, а я с радостью приму долг.

Лицо Софии, и так раскрасневшееся на солнце, теперь стало просто пунцовым. Ли Минь протянула ей разорванное письмо Роуз, но она, выхватив его резким движением, сунула его Николасу, не отрывая глаз от наемницы.

– Читай.

Николас чувствовал, как спадает напряжение в легких, как в них поступает воздух, приправленный ароматом прелой плоти джунглей. Он немного отошел от девушек, сел на изогнутый ствол поваленной пальмы и тщательно совместил края разорванного послания.

«Мое маленькое сердечко, центр всей моей жизни...»

Дальше обсуждалась погода, король Георг III и прочие шедевры бессмыслицы на целый лист.

Николас почувствовал, что у него брови лезут на лоб, когда поднял руку утереть пот. Обращение могло бы показаться стороннему глазу слишком уж нежным, но и только. Однако Этта объяснила ему, что в отсутствие ключа путь к расшифровке письма лежал в приветствии. Роуз уже использовала «звездочку», так что с «сердечком» вопросов не возникло, но что делать с «маленьким» и с любопытным добавлением про «центр всей жизни»?

Если только...

Он свел вместе указательные и большие пальцы, складывая их сердечком, и наложил его на центр листа. Получившееся послание по-прежнему пестрело чепухой, и Николасу не удавалось сделать его осмысленным, пока он не начертил мысленно совсем маленькое сердечко в самом центре письма.

Встретить не могу. Отведу от тебя тени как можно дальше. Насчет года ищи белладонну.

Еще одна проклятая загадка. Бумага зашуршала в его ладони, когда он зачитал письмо девушкам. «*Чертова Роуз Линден*».

– Интере-е-е-сно, – протянула София, в ее глазах что-то блеснуло. – Осмелюсь доложить: тетенька оказалась на высоте. Я не думала о такой возможности, но в этом что-то есть.

– Глупости! – парировала Ли Минь. – Ты правильно делала, что не думала об этом.

– Я бы предпочел понимать, о чем вы говорите, а не слушать вашу перепалку по этому поводу, – сказал Николас с терпением, которого и не надеялся у себя обнаружить.

София, не обращая внимания на недоверие на лице Ли Минь, объяснила:

– Во всем времени есть только два человека, знающие механизм работы нашего мира, – те, что взяли за правило знать все, что делает каждый. Один из них деду... – сам Айронвуд, а другая – Белладонна.

– Так Белладонна – это человек, не растение? – уточнил Николас, стараясь скрыть нетерпение в голосе.

– Джулиан о ней не рассказывал? – удивилась София, увидев его смущение. – Она... Не знаю, как это сказать. Она разыскивает потерянные во времени сокровища и продает их на своего рода аукционах, только платишь ты не золотом, а услугами и тайнами. Айронвуд допускает это, потому что, по большому счету, эти сокровища должны оставаться «потерянными», чтобы сохранить его шкалу времени.

– И чего же ты надеешься добиться визитом к ней? – поинтересовалась Ли Минь. Солнце блеснуло в ее угольно-черных волосах, когда она скептически склонила голову на бок. – Может, приобретешь те же сведения у меня?

– А тебе-то что за дело? – спросил Николас. По правде говоря, его мало заботило, что она попросит еще и можно ли доверять ее ответам.

– Я же сказала: мое дело – знать, что делают другие.

– Мы пытаемся вычислить последний общий год после самого последнего крупного изменения временной шкалы, – сказал Николас. – У тебя имеются такие сведения?

На один удар сердца его надежды взлетели в воздух, как фейерверк, – чтобы тут же разбиться, ударившись о землю. Ли Минь отвела глаза к бирюзовому океану.

– Нет. Но я могла... Могла бы поискать ответ для вас.

– За приличную плату, – вклинилась в разговор София. – Пытаешь перехватить часть клиентов у Белладонны? Нет, спасибо. Мы пойдем к кому-нибудь, кто действительно знает, а не ко второсортной наемнице, не умеющей даже письмо расшифровать. – София, не обращая внимания на смешок Ли, повернулась к Николасу. – Белладонна знает все! Джулиан рассказывал мне, что в их с дедушкой последний визит она выдала ему полный список *всех* дедушкиных приходов и уходов и всех якобы «тайных» изменений, которые он внес в историю.

– А вы с нею разошлись из-за...? – спросил Николас, снова поворачиваясь к китайке. Ему все это не очень-то нравилось, если не считать потенциальной возможности найти более прямой, гарантированный путь к Этте.

Ли Минь пожала плечами, но ее глаза стрельнули в сторону Софии – всего на мгновение, а губы сжались в тонкую линию.

– Она купилась на слухи, что та женщина – ведьма, – насмешливо объяснила София. – И поймает в сети твою душу. Чушь какая!

Николас не спешил смеяться. В его родном времени «ведьма» было серьезным обвинением, которым люди более чем охотно разбрасывались всякий раз, когда леди проявляла необычные интересы или склонности.

Губы Ли Минь разлепились, но миг спустя она просто улыбнулась. Перебросив длинную косу через плечо, она наклонилась подобрать плащ и шляпу.

– Кажется, ваш путь определился. Удачи.

Она уже отошла на несколько футов, скрываясь среди пальм, когда Николас осознал, что девушка уходит.

– И все? – крикнула ей вслед София. – Только и всего, после такой-то шумихи?

Ли Минь не сбилась с шага, когда крикнула, не оборачиваясь:

– Пока. До новой встречи.

Решив, что София может попытаться побежать за китайкой, задержать ее для дальнейших расспросов, Николас поймал ее за плечо, убирая свободной рукой письмо Роуз в карман.

– Нет, но какая наглость!..

– София, – перебил он. – Ведьма? Чего я еще не знаю?

– Ой, да все будет в порядке, – махнула рукой София, отворачиваясь от примятой травы, оставшейся после Ли.

– А ты с нею лично знакома? – настаивал он.

– Не-а. Но она – легенда, и, учитывая рассказы Джулиана и полнейшее отвращение к ней старика, думаю, что у меня есть к ней отмычка, – быстро добавила София. – Поверить не могу, что не подумала об этом раньше. Единственной нашей заботой сейчас становится найти проход в Прагу. Белладонна работает в пятнадцатом веке – кажется, если доберемся до Флориды, там должен быть проход в Испанию, а оттуда...

– Не хотел бы мешать тебе строить планы, но как ты предлагаешь нам найти проход с этого острова?

София наклонила голову набок, слегка изгибая губы в улыбке, и, достав из кармана куртки мешочек размером с кулак, бросила его Николасу.

– Тоже мне воровка! Даже не заметила, когда я срезала это у нее с пояса.

Николас расхохотался, развязывая шнурок, но от блеска золотых монет его сердце тут же застыло.

– Она за этим вернется.

София взглянула на тропинку, оставленную Ли Минь.

– И хорошо.

Сан-Франциско

1906

7

Они вернулись в ту же комнату, из которой Этта сбежала, сопровождаемые другой парой стражей и горничной, которую ее отец – она замотала головой, вытряхивая из нее невозможное слово – которую *тот человек* разве что не швырнул в ее сторону. С ними также шла высокая седовласая женщина с такой суровой статью, что Этте подумалось: об ее спину можно разбить деревянный стул. Их никто не знакомил, но девушка не сомневалась, что это та самая Уинифред, о которой говорил *тот человек*.

– Можешь начинать, – бросила женщина горничной. Этта удивилась бы, окажись той хотя бы семнадцать; она глядела на мир из-под тяжелой копны темный кудрей, вырвавшихся из плена нетуго заплетенной косы. Девчушка испытывала любопытство, но никак не страх или благоговение – Этта решила, что она, скорее всего, страж, так или иначе связанный с Тернами. Лампа в ее руках качалась, отчего по толстым коврам и золоченым обоям прыгали пятна света, мечась, словно потревоженные привидения.

– Немного уединения не помешало бы, – сказала Этта женщине.

Несгибаемая матрона протянула руку и закрыла дверь на защелку. Этта подняла брови, окидывая взглядом ее темно-лиловое платье. Оно казалось до боли затянутым на талии; по лифу до высокого воротника, упиравшегося в подбородок, бежала цепочка перламутровых пуговиц. Шелковая юбка ниспадала с изящной непринужденностью водопада, собираясь в небольшой турнюр на поясице.

Порывшись в гардеробе, горничная вытащила простую белую блузку с темной вышивкой на воротнике и длинную серую юбку, на вид суконную, очень узкую в талии и в бедрах, но расширяющуюся у коленей. Юбка доставала до самого пола. Бедная девушка, кажется, поняла одновременно с Эттой: скорее рак на горе свистнет, чем юбка натянется ей на талию.

– Я расставляю ее, это не займет и минуты, – поклялась девчушка, бросив опасливый взгляд в сторону Уинифред.

Очевидно, минуты не было. С раздраженной миной Уинифред повернулась к Этте и приказала:

– Снимай, живо!

– Я могу рассчитывать на «пожалуйста»? – проворчала Этта и, увидев до боли знакомую вещицу в руках женщины, добавила: – Я не надену корсет. Исключено...

Уинифред вцепилась в ворот Эттиной ночнушки и резко дернула ее через голову. На мгновение ослепленная, Этта вскинула руки ослабить завязки, пока те не задушили ее или не оторвали ухо. Потом скрестила руки на груди, прикрывая тело от женщины, швырнувшей ей тонкую сорочку.

Этте пришло в голову, что ведьма снимает с нее кожу заживо, во всех смыслах слова, стараясь заставить ее почувствовать себя как можно более уязвимой, и что она не позволит так с собой обращаться без боя. Однако стоило ей попытаться выкрутиться из рук Уинифред, как та толкнула ее, лишая равновесия, набросила корсет через голову и начала шнуровать его, прежде чем Этта успела вскрикнуть. Женщина кинула ей еще одну тонкую блузу без рукавов – надеть поверх корсета. Этта с отвращением глядела на поросычье-розовые тесемочки на ней, а Уинифред самодовольно ухмылялась.

– Бедолага. Фигурка жалкая, как у матери.

– Только коснись меня еще хоть раз, и я покажу тебе, как мы похожи, – процедила Этта.

Но Уинифред уже отвернулась, забирая блузку и расставленную юбку у служанки и швыряя их к ее ногам.

– Быстрее, глупое ты дитя! – воскликнула она, увидев, что Этта не спешит немедленно выполнять ее приказ. – Великий магистр будет недоволен, что его заставляют ждать.

Слово «дитя» окончательно вывело Этту из себя, лишив последних остатков самообладания. Только так она объяснила самой себе, почему выпалила:

– Великий магистр – это Сайрус Айронвуд.

Пощечина прилетела так стремительно, что Этта не успела бы отклониться, даже если бы у нее было время захотеть. Она завалилась на спину, зажимая рукой пылающую кожу на лице.

– Только посмотри, что ты вынуждаешь меня делать! – прорычала женщина. – Какая наглость! И это после того, как я за тобою ухаживала! Обмывала! Подчищала за твоими циклами. Ни слова не сказала! Когда б не его просьба, я бы тебя придушила с самого начала.

– Вы не в себе, – констатировала Этта, сжимая кулаки. – Посмейте еще раз меня ударить, и друзьям придется отскребать ваши кусочки от ковра!

Горничная покраснела, но Этте было все равно – ее трясло от ярости, неловкости и обиды. Она попыталась усмирить ураган эмоций, крутившийся в груди, пока заканчивала одеваться, а потом была усажена за туалетный столик, чтобы заплести косу. В зеркало она старалась не глядеть, чтобы не видеть пылающее пунцовое пятно во всю щеку.

– Едва ли приемлемо, – вынесла вердикт Уинифред, когда попытка закончилась, – но пошли за мной.

Этта понимала, что ей нужно пойти, если она хочет удостовериться, что астробия у Тернов, но подчиняться этой женщине было все равно, что глотнуть морской воды: это обжигало горло, душило.

– Пожалуй, я лучше останусь, – заявила она, скрещивая руки на груди.

Уинифред занесла руку, и Этта инстинктивно закрылась от удара, но женщина не собиралась давать новую пощечину. Другой рукой она неожиданно вцепилась в Эттину косу, наматывая ее так туго, что девушка взвизгнула от боли.

– Пустите меня!

Однако женщина протащила ее через всю комнату, ни разу не сбившись с шага, как бы Этта не брыкалась и не царапалась, пытаясь высвободиться. Дверь распахнулась на глазах у другого стража, который от потрясения не смог выговорить ни слова, и женщина прошествовала дальше, волоча Эттины голые ноги по ковру, обжигавшему пятки, по ступенькам.

На первом этаже, в самом деле, гудело празднество. Увлекаемая Уинифред по коридору, Этта слышала возбужденные голоса, смех и разудалую мелодию, которую кто-то наигрывал на пианино. Запах выпивки и духов распространялся по дому. Когда они проходили мимо библиотеки, в дверь высунулось довольное лицо Джулиана.

– 'От молодец! – крикнул он вслед. – Не сдавайся, детка!

– Прекрати так меня называть! – огрызнулась Этта, скрипя зубами, а его залиvistый смех так и летел за ними по коридору.

Наконец, они добрались до еще одной двери, охраняемой тремя стражами в изящных костюмах. Уинифред отпустила волосы, и девушка смогла встать прямо. Два стража покраснели, а третий, вопросительно подняв брови и отчаянно пытаясь побороть смех, сочувственно поглядел на нее.

– Полегче, Винни! Она ж девчонка. Понежнее с ней.

– Ее девчонка! – процедила Уинифред, властно стуча в дверь. – Не забывай.

– Войдите! – последовал немедленный ответ.

Не приглашение, разумеется. Приказ. Этта уже приготовилась драться, пульс бешено стучал, она тяжело дышала. *Успокойся, успокойся, помни, что задумала*, – нужно выяснить, у них ли астробия, и придумать, как до нее добраться, чтобы уничтожить раз и навсегда.

Охрана расступилась, и Уинифред впихнула девушку в комнату, стиснув легкую ткань Эттиной блузки в руке – чтобы, как догадалась Этта, – она не убежала в последний момент. Но она переступила порог, высоко подняв голову, стараясь не выглядеть слишком свирепо.

Кабинет был отделан в походящем на библиотеку стиле – «мужское» темное дерево и драгоценные камни. Отделка должна была впечатлять, и она впечатляла. Окно выходило все на ту же картину разрушений, ныне подкрашенную светлеющим небом.

За внушительным столом в центре комнаты уже сидело четверо. Взгляд Этты первым делом остановился на женщине, оценивая ее идеально скроенный юбочный костюм и темные волосы, завитые в стиле «виктори-роллс». Ее сосед носил парусиновые брюки и гимнастерку, почти скрытые под кожаным нагрудником и портупеей. Длинные седые волосы он зачесывал назад, открывая бородатое лицо; в несколько прядей, свисавших до меховой накидки на плечах, были вплетены маленькие серебряные бусинки. Справа от него сидел молодой азиат в кимоно такой синевы, которую обычно можно увидеть лишь в самом сердце океана.

При виде них ей захотелось недоверчиво засмеяться.

Этта глубоко вдохнула через нос, позволяя запаху воска и лака успокоить себя. Во главе стола развалился Генри Хемлок, закинув на него скрещенные ноги.

Все оглянулись к Этте и Уинифред и быстро повернулись обратно к Генри, неуютно заерзав, однако магистр продолжал, как ни в чем не бывало:

– Я слышал тебя, Элизабет, не сомневайся. Последнее, чего бы мне хотелось, чтобы твои дети ложились спать, тревожась, что наутро могут тебя не увидеть. Столь прискорбно многие из нас пережили такие времена. Я еще раз просмотрю назначения и подумаю над подходящей заменой.

Плечи женщины опустились от облечения.

– Благодарю вас! О, благодарю вас.

– Нам не следует откладывать встречу с ними, сэр, если положение столь серьезно, как сообщают, – подал голос мужчина с длинными серебристыми волосами. – Мы должны помочь им и закрепить наше преимущество, а уж потом что-то менять в живой силе. Честно говоря, полагаю, мне лучше бы отправиться скрутить Джона и Абрахама, а потом уже встретить там всех вас.

Генри ухмыльнулся:

– Возможно, для начала сбросив шкуру.

Мужчина засмеялся, поигрывая кисточками меха.

– Думаю, я бы наделал шуму, появившись в таком виде на берегах Сены.

– И потехи ради вызвал бы разрушительное изменение, – ледяным тоном вставила Уинифред.

Этта заметила, что почти все в комнате закатили глаза.

– Ты бы звезду с неба скинула за то, что светит слишком ярко, – проворчал мужчина.

– Хорошо, – объявил Генри, спуская ноги со стола и принимаясь расхаживать по комнате взад-вперед. Все, кроме Этты, поворачивались вслед за ним, не отрывая взгляда. – Достаточно. Вам известно, что я думаю о такого рода «охоте». Не забывайте: у нас есть настоящий враг, и целиться нужно в него.

– О да, разумеется, – выдохнула Уинифред сладким голосом, при этом сжимая плечо Этты еще крепче.

– По-моему, мы не рассмотрели возможность, что и он мертв, а Айронвуд уже завладел астробией, – вступил японец, наклоняясь над раскрытым письмом. – Кого еще они могли иметь в виду под «теньями»? И у кого хватило бы сил охотиться за братьями так, как он описывает?

Что? Этта почувствовала, как время уходит у нее из-под ног – осознание стало ее личным землетрясением.

– Будь это так легко, мы бы сделали это десятилетиями раньше, – ответил Генри, задержав внимание на Этте. – Ты, кажется, удивлена. Оттого, полагаю, что ожидала увидеть астроблазию в наших руках?

Не ответив, Этта отвела взгляд, уставившись на край ковра. Темные глаза Генри притягивали к себе, а сам он неотрывно следил за каждым ее движением и вдохом. Это давило – он словно бы опустил тяжелые руки ей на плечи и упорно пытался развернуть ее обратно к себе лицом. Этта не хотела пускать его в свои мысли, уж точно не сейчас, когда они лихорадочно скакали наперегонки с бухающим сердцем.

Всего две недели назад двое Тернов, не без помощи Софии, вырвали астроблазию у нее из рук в Пальмире. У них должно было получиться создать проход прямо сюда, в Сан-Франциско, к остальным Тернам, но, насколько Этта поняла из разговора, они не только не принесли астроблазию, но и сами исчезли. А о Софии, ушедшей с ними, не было сказано ни слова.

– Все, что мы пока видели – это Айронвудики, которых он рассылает по мелочи переписать сделанные нами изменения, – продолжил Генри. – Будь она у него, Сайрус бы не колеблясь пустил ее в ход, перестраивая временную шкалу под себя. Его семьей движет жадность и только жадность.

– Не будем забывать, – со смешком заметил седовласый мужчина, – что с материнской стороны в нас обоих есть кровь Айронвуд.

– Нет, – коротко улыбнувшись, ответил Генри. – *Не будем*. Но мои слова остаются в силе. Нам нужно верить в способность Кадыра добраться до безопасного укрытия и в нашу способность найти его вовремя и забрать астроблазию оттуда, куда он ее спрятал. Мне жаль прерывать торжество, но велите остальным готовиться к путешествию завтра утром. А еще придется оставить нескольких путешественников в помощь стражам, которые останутся здесь приглядывать за детьми.

– Мудрое решение, – восторженно поддакнула Уинифред.

Этту чуть не стошнило.

Остальные закивали и, чувствуя, что разговор окончен, разом встали и по одному проскользнули мимо Этты, каждый покосившись в ее сторону на прощанье. Она могла поклясться, что седовласый легко вздрогнул.

– Пожалуйста, присаживайся, Генриетта. Уинифред, благодарю, этого достаточно. Проследи, чтобы нас не беспокоили.

Пожилая женщина присела в коротком реверансе, на прощанье ущипнув Этту за спину с такой силой, что бедная аж подпрыгнула. Дождавшись, пока мучительница исчезнет за дверью в ворохе темных юбок, Этта повернулась к Генри и выпалила:

– Она ведь не пользуется проходами, правда? Просто приносит в жертву щеночка и летает сквозь века не метле?

Он коротко хмыкнул в кулак.

– Уверяю, твоя двоюродная бабушка – заботливая и любящая, – подумав, Генри добавил: – Я хотел сказать, заботливая и любящая в своем роде... каждое второе воскресенье. Мая. Да что ж ты не сядешь?

Двоюродная бабушка. Ну уж нет!

Этта не стала садиться, крепко, до хруста пальцев, вцепившись в спинку стула.

– Первое, что я хочу, чтобы ты знала: здесь ты в безопасности, – произнес он, не отрывая от нее взгляда. – Тебе нечего бояться ни меня, ни кого-либо другого в этом доме. Я также позаботился о том, чтобы обезопасить тебя от Айронвуда. Если ты сама не вздумаешь его искать, он больше не станет тобою интересоваться.

Верилось с трудом. Но, прежде чем она успела открыть рот, чтобы поспорить, Генри повернулся и начал копаться в беспорядочной груде писем и бумаг, которыми был завален его стол. Вот он, кажется, нашел, что искал – вытащив черный бархатный мешочек из кучи,

магистр вытряхнул на ладонь золотую сережку: петлю с жемчужиной, синими бисеринами и крошечными золотыми листиками.

Мамина. Все ее существо задрожало в запоздалом приступе паники. Одна рука вскинулась к ушам – обнаружив лишь, что ни в одном украшении не было.

– Уинифред нашла ее в складках твоей одежды, когда тебя принесли к нам, – сказал он, протягивая ей драгоценность. – Я подумал, что ты, наверное, хотела бы вернуть ее.

«Только одну?» – вопрос повис в голове, так и не прозвучав от охватившего ее чувства опустошенности. После всего случившегося потеря сережки едва ли могла считаться худшим испытанием, выпавшим на ее долю, но это значило, что она снова не оправдала доверие, снова подвела маму.

Но она не может добавлять к этому счету еще строчку, купившись на ложь этого человека.

– Можете оставить ее себе. Нашла ее на какой-то дрянной барахолке.

Генри поджал губы, а когда снова заговорил, в его голосе прорезались острые нотки:

– Понимаю: ты не в своей тарелке, и сочувствую за все, что на тебя обрушилось. Но первое, чего я терпеть не могу – вранья, а второе – неуважения к своей семье. Ты не покупала эти сережки на барахолке. Подозреваю, что это был подарок матери, и точно знаю, что это драгоценный дар жены ее любимого дяди.

Он знает о Хасане.

Его слова ничего не доказывали. Не он ли сам и его подручные болтали о том, сколько у них ушей повсюду – он легко мог узнать о Хасане от них.

Даже то, что сережки подарила его жена?

Этта начала кусать губы, но заставила себя остановиться. Она не поддастся искушению заполнить неловкое молчание между ними светской беседой. Особенно когда Генри, кажется, наслаждается им, да еще и так внимательно наблюдает за ней.

– У кого вы купили эти сведения? – поинтересовалась она, забирая сережку.

Уголок его рта загнулся вверх; он открыл ящик стола и извлек оттуда длинный бархатный футляр. Внутри лежала нить переливающихся жемчужин, слегка неправильной формы. Каждую третью обрамляли захватывающей красоты сапфиры.

– Самара сделала их в дополнение к ожерелью, которое я заказал к нашей помолвке. Тебе достаточно такого доказательства?

Этта села. Генри положил футляр между ними.

Помолвка. Помолвка.

Воспоминания туманили голову, размывая все, в чем она была так уверена, входя в кабинет.

«Но кто ваш отец, дорогая? – спросила Элис в Лондоне. – Генриетта... возможно, Генри?»

– Я распоряжусь сделать вторую сережку, – проговорил Генри. – Или можем переделать ее, чтобы носить как кулон. Как скажешь.

Девушка чувствовала себя, словно мчится по ночной дороге без педали тормоза. Все не так – это не он. Этот человек не может быть ее отцом.

– Мне ничего от вас не надо, – заявила она.

– И все же мой долг обеспечивать тебя. Предоставь мне хотя бы это право. Тем более что я задолжал почти восемнадцать лет.

– Я сама могу о себе позаботиться, – упиралась Этта.

– Да, – слабо усмехнулся он. – Этого следовало ожидать, зная твою мать. Вы поразительно похожи. До жути.

– Я заметила, как люди при виде меня начинали креститься, – сухо заметила Этта.

Генри, казалось, ее не слышал. Он внимательно изучал ее лицо, рассеяннo теребя волосы.

– Но она назвала тебя в честь меня...

Возможно, Генри?

Казалось, в этих словах кроется вопрос, но его голос затих, и он отвернулся к пустым полкам на другой стороне комнаты, давая Этте возможность снова рассмотреть себя – доказать той маленькой частичке сердца, что ликующе была в колокола, что между ними не было ни капли сходства.

– Я не знаю, что вам сказать, – призналась она.

– «Коль тернии тебя страшат, не смей мечтать о розе», как говорила Бронте⁵, – Генри слегка скривился, продолжая: – Она всегда была умной и решительной, но держалась особняком – для самозащиты, чтобы иметь фору, если придется бежать. Завоевывать ее сердце было все равно что драться с медведем. У меня до сих пор остались шрамы от тех дней.

Этта не в первый и даже не в двадцатый раз пожалела, что не знает как следует маминой жизни: когда она покинула Тернов, когда внедрилась в ряды Айронвудов, когда окончательно бросила обе группировки, спрятав астролябию и растворившись в будущем. Но все совпадало. Каждая деталь.

Возможно, Генри?

Более чем вероятно. Этта с силой сжала руками виски, словно это могло унять стучащую в них кровь. Плечо жалобно ныло каждый раз, когда она двигалась, но эта боль, как резец скульптора, только обтесывала мысли до голой правды. Каждый малозначительный довод, каждая крупинка фактов, начинали складываться в неопровержимую картину.

Она хотела Николаса – хотела увидеть его лицо, сравнить его мысли со своими, пока они не упорядочатся. Этта не осознавала, как часто искала убежища в его твердой решимости, пока та не исчезла, а она не застряла в ловушке, истекая кровью на холодном ветру. Когда ее осиротило, она оставила мужественную часть себя с ним, а та, что досталась ей, оказалась слишком труслива, чтобы признать то, что, как она уже знала, было правдой.

– Она чувствовала то же, что и я, – признался Генри, вновь поворачиваясь к ней. – Если честно... я не уверен, назвала ли она тебя в честь меня или в честь мимолетного увлечения. Думаю, ты – дань памяти, напоминание о том, кем мы были. Это... что ж, это неожиданно, учитывая, как она нас покинула.

Этта не решалась заговорить, не доверяя собственному голосу.

Всю свою жизнь, все эти восемнадцать лет, отец маячил бесцветным вопросительным знаком где-то на заднем фоне. Призраком, посещавшим время от времени ее мысли, напоминающая о потере, обозначая провал в череде семейных портретов. Но с обеих сторон ее семьи было столько призраков, столько провалов, и Этта никогда не позволяла себе задерживаться на каком-то из них – это казалось неблагодарностью на фоне всего и всех, что у нее было.

Папа. Слово из словаря любви, которое она никогда не учила. Этта понимала его не больше, чем могла разобраться в собственных чувствах: в охватившем ее невольном ликовании, переходящем в ужас, от которого хотелось то ли кинуться к нему, то ли бежать прочь.

– Что я здесь делаю? – в итоге спросила она.

– Сначала мы просто хотели защитить и вылечить тебя – ты была почти при смерти, когда Джулиан принес тебя к нам. Теперь же... что ж. Я бы хотел надеяться на твою помощь в борьбе с Айронвудом, учитывая все, что он с тобой сделал. И, если мне настолько повезет, ты могла бы немного рассказать о себе сверх того, что я знаю.

– А что вы знаете? – спросила Этта, потрясенная страстным желанием, сквозившим в его голосе.

– Что ты родилась и выросла на Манхэттене. Что ты любишь читать и с раннего возраста получала домашнее образование. Я знаю, что ты выступала на конкурсах по всему миру и что твердо предпочитаешь Баха Бетховену.

⁵ Имеется в виду Энн Бронте, младшая из трех сестер.

– Вы читали статью в «Таймсе», – пробормотала Этта.

– Я читал все, что мог найти в этом... устройстве... интернете, – он произнес это слово так, словно впервые пробовал его на вкус. – Бесконечно мало. Один вопрос особенно беспокоит меня в последние недели, и я отчаянно надеюсь услышать на него ответ. Но только если ты не против.

Его слова потрафили ее гордости и разбредили любопытство, но ей нужно было снять последний камень с души, прежде чем она смогла бы идти дальше.

– Сначала я хочу, чтобы вы ответили на мой вопрос. Но не знаю, могу ли доверять вашему ответу.

– Спроси и увидишь.

Этта вдохнула, чтобы успокоиться, ожидая, пока боль в горле уймется и даст говорить спокойным тоном.

– Тем вечером, на концерте... вы или кто-то из ваших Тернов были так или иначе причастны к выстрелу?

Вот оно. Что-то едва уловимое пробежало по его лицу. Губы Генри сжались, и он тяжело выдохнул, раздувая ноздри.

– Ты говоришь об Элис?

Этта ожидала поспешное отрицание, раздраженную позу. Но то, как смягчилось его лицо, надломило хрупкий щит, который она возвела вокруг своего сердца, а тяжесть, сквозившая в его словах, едва не сломала его окончательно.

Она снова сглотнула. Кивнула.

Генри не сразу заговорил, и все это время Этта не отводила от него взгляда.

– Ни за что, – наконец ответил он. – Я бы никогда не причинил вреда Элис, хотя не уверен, что мог бы рассчитывать на взаимность. Я верил ей, когда она сказала, что пыталась удержать тебя от путешествия. Защитить тебя.

– Она вам это сказала?

В мозгу промелькнула непослушная мысль: «Элис доверяла ему!».

– Когда ты исчезла, я остался с нею, – Генри будто подтолкнул своими словами ее сердце, заставив его биться о грудную клетку в хаосе облегчения, и благодарности, и зависти. – Ее последние мысли были только о тебе.

Она не осталась одна. Элис умерла не в одиночестве.

Этта закрыла лицо руками, втягивая воздух вдох за вдохом, чтобы хоть как-то сдержать подкатывающие слезы.

– Она была не одна.

– Не была, – тихо подтвердил Генри. – Она и вовсе не должна была проходить через это, но, по крайней мере... ей досталось хоть ничтожная малость милосердия.

Этта слышала, как он пошевелился, ступая по ковру, но отец не протянул к ней руки, не стал кормить утешительной ложью. Он стоял рядом, молча ожидая, пока метроном ее сердца вернется к размеренному ритму, и Этта снова обретет равновесие.

– Спасибо, – удалось выговорить ей. – Что оставался с нею до конца.

Он кивнул:

– Для меня это было честью. Ты удовлетворена моим ответом?

– Да, – кивнула она. – А какой вопрос у вас?

– Твоя мать дала тебе хоть какие-то образование и подготовку, необходимые путешественнику? – спросил Генри. – То, как охотно ты последовала за Айронвудкой, наводит на мысль, что нет. Однако это совершенно не похоже на твою мать – не продумать игру на пять ходов вперед. Она, должно быть, предпринимала бесчисленные меры предосторожности, чтобы защитить тебя от этого.

Этта сжала зубы от унижения; оно свербило изнутри. Стыдиться своей неподготовленности к жизни путешественника было ей не впервой, но испытывать стыд сейчас значило: ей не все равно, что этот мужчина о ней подумает. А ей не хотелось, чтобы он ее недооценивал.

– Я не подозревала, что способна путешествовать, до самого концерта.

Он поскреб еле заметную щетину на челюсти и подбородке, а из его глаз заструилось тепло, от которого она почти возненавидела себя – как много оно для нее значило.

– Никто из нас не рождается владеющим полудюжиной языков или чувствующим себя как дома в Римской империи. Ты быстро всему научишься, и многие здесь, включая меня, будут счастливы тебе помочь.

В ответ Этта подняла брови – судя по ее скромному опыту, больше половины Тернов, попавшихся ей, старались не встречаться с ней взглядом.

– Она сделала, что должна была, – проговорила Этта. – Мама, я имею в виду.

– Она сделала, *что ей велели*, – парировал Генри, снова вставая на ноги. Он был высок, но не подавлял своим ростом. И все же, двигаясь, будто завладевал каждым дюймом вокруг себя. – Как ты можешь не сердиться на нее? Как можешь защищать после всего, во что она тебя втянула?!

Еще несколько дней назад она могла бы дать на этот вопрос столько ответов, но сейчас Этта чувствовала, что все ее объяснения крошились и проскальзывали между пальцами, словно горячая пыль Пальмиры.

– Она не пришла к тебе, когда ты больше всего в ней нуждалась, – он цедил слова сквозь натянутые губы. – Позволила тебе попасть в ловушку Айронвудов.

Она... Этта как могла защищала себя, пыталась перехватить инициативу, но все это не отменяло простого факта.

– Он держит ее в плену, – стала оправдываться Этта. – Мама ничего не могла сделать. Быть может, он уже...

Уже убил ее.

Генри фыркнул, махнув рукой.

– Твоя мать освободилась от людей Айронвуда в первые же дни. Мне поступает множество сообщений о ее скачках – и ни один не был даже близко к тебе.

– Она жива?! – выдохнула Этта. Страх отпустил ее с тихим вздохом – сперва горячим, а потом ледяным, когда слова Генри окончательно проникли в сознание. *Жива и не пришла мне на помощь.*

– Я могу простить ее за все, сделанное нам. Она предала доверие нашей группы, солгав, будто ее семья больше не владеет астробией. Терны любили ее, заботились о ней, а она забрала ключи ото всего, что мы надеялись закончить, – Генри снова запустил руку в волосы, взлохмачивая их еще больше. – Мы знали друг друга с детства, Роуз и я. Какое-то время я искренне считал, что понимаю ее лучше, чем самого себя. Стыдно признаться, но я не видел, какой безжалостной она стала и как безнадежно запуталась. Ей не впервой использовать других, будь то Терны или Айронвуды, но заставлять *тебя* принимать главный удар – это слишком даже по ее меркам.

Этте не нравился ход его мыслей и то, в какой хаос он ввергал ее внутренний мир. Ей хотелось спорить, защищать маму, обвинять его самого в пристрастности, но, порывшись в памяти, она обнаружила, что уже исчерпала те немногие возражения, что у нее были.

Генри подошел к окну и выглянул наружу, отвернувшись от нее.

– В этой истории столько мрака, что порой я чувствую, как он меня душит. Наши жизни стали гобеленом семейной вражды, мести и опустошения, который обвивается вокруг нас все туже, и никто не избежит его крепких узлов, даже ты. Мне следовало увидеть признаки раньше, но я хотел верить, что она выше всего этого. Поверь мне: знай я, что она сбегает, унося в себе

ребенка, я бы никогда не перестал тебя искать. Я бы дошел до самого края времени, лишь бы уберечь тебя от беды.

– О чем вы? – спросила Этта, нервно скрещивая пальцы на коленях. Она почти слышала, как нарастает гром ее мыслей, скачущих через такты лжи и утаек к последнему сокрушительному крещендо. И не хотела слушать.

Но должна была дослушать до конца.

Его взгляд, брошенный через плечо, сказал ей все.

– Путешествие, в которое она тебя отправила, – лишь плод бредовых видений и лжи.

8

Говорить, сидя на стуле, с его спиной, Этта не захотела и, оттолкнувшись от стола, подошла к нему. Восход приближался с каждой минутой, усиливая неослабное давление времени, утекавшего сквозь пальцы. Граница неба посветлела до мягко-фиолетового, и в нежном предутреннем свете Этта увидела то, чего не было на горизонте: призраки разрушенных зданий и улицы, скрытые под обломками, фонарные столбы, перекрученные и порванные, словно травинки.

– Я... – начала было она. Но речь шла не о ней. Пока не о ней.

– Не знаю, что тебе известно о Тернах, то есть о нас, – заговорил Генри, искоса бросая на нее взгляд и сжимая руки за спиной. – Не могу сказать, что за нами нет грехов и ошибок. Многие из нас потеряли на войне с Айронвудом все: семьи, состояния, дома, чувство безопасности и независимости. Но люди здесь собрались хорошие и достойные, желающие сделать что-то значимое. Мы хотим защищать друг друга. Знаешь, а ведь это именно твоя мама дала нам имя. Она любила повторять, что не может больше быть тепличной сортовой розой без шипов, а хочет стать терном: пусть и скромным диким цветком, зато с длинными колючками. Она едва не разрушила все наши надежды, когда исчезла. Роуз обратила наш замок в стеклянный и оставила нас беззащитными, в одном ударе от обрушения.

– Я все это знаю, – вздохнула Этта. Роуз на время внедрилась в ряды Айронвудов, чтобы не дать им найти астроблю. Теперь Этта понимала: мать ненадолго вернулась к Тернам, чтобы затем укрыться с ребенком в далеком будущем. – Но я хочу понять, что вы имеете в виду под «бредовыми видениями». Довольно сильно сказано.

– Я никогда никому этого не говорил. Очень глупо с моей стороны, – пробормотал он. От нежелания говорить, сквозившего в его голосе, Этта встрепенулась и шагнула к нему, желая выхватить тайну, которую он будто сжимал в руках. – После убийства ее родителей, Роуз, как она утверждает, посетил некий путешественник, предупредив ее, что если Айронвуд завладеет астроблю, начнется бесконечная жестокая война, которая разрушит все и вся.

Этта вскрикнула от изумления. Генри снова взглянул на нее, как будто взвешивая ее реакцию.

– Ты должна понять, что ей было очень, очень плохо после их гибели. Она видела их смерть, будучи маленькой девочкой, и смерть их была столь жуткой, что я, пожалуй, опущу подробности.

Взгляд Этты заострился.

– И вы просто отмахнулись от этого? Потому что она была маленькой девочкой в *плохом* состоянии?

Он вскинул руки.

– Я бы не разбрасывался такими словами настолько легко. Она описывала путешественника как «само сияющее солнце» из чистого золота, с безупречными кожей и чертами лица. Роуз сказала мне как-то, что, когда он говорил, его слова будто звучали у нее в голове, и что он, якобы, мог вкладывать видения в ее мысли. Что даже наши тени служили ему – *тени*.

Этта растеряла все слова, пытаясь совместить новый образ матери с той жесткой собранной женщиной, которая ее вырастила.

Так все это было... нет, не игрой воображения, но... – она помедлила, подыскивая слово. – Галлюцинацией? Иллюзией?

Если следовать рассуждениям Генри, смерть родителей так сильно травмировала Роуз и имела такие последствия для ее психики, что в конечном счете не только разрушила жизнь ей, но и вынудила разрушить жизнь дочери.

Все было ложью.

Кровь бешено гудела в голове, словно птица, отчаянно борющаяся с лютым ветром, хлопала крыльями. Крохотная фигурка на краю памяти выбежала вперед на цыпочках, колеблясь, крутя в тонких пальцах кончики светлых волос. Как всегда, тихо, чтобы не потревожить. Как всегда, совершенно, чтобы не разочаровать. Всего лишь наблюдая из двери спальни за продуманными, кропотливыми движениями маминой кисти по холсту.

Раздумывая, не потому ли мама так редко говорила с нею, что ее языком были цвет и форма, в то время как Эттиным – звук и вибрации.

Генри протянул к ней руку, но отдернул, стоило Этте вздрогнуть.

Мгновение спустя он продолжил:

– Пока она была ребенком, дедушке удалось отодвинуть ее убеждение на задний план, но спустя годы, когда она присоединилась ко мне в попытках восстановить исходную шкалу времени, ей вновь приснилась встреча с тем «золотым посланником», как она называла его. И навязчивая идея вернулась. Энергичный, живой человек, которого я знал, зачах, и его место занял неустойчивый параноик. Роуз могла не спать сутками, потом исчезнуть на несколько недель, возвращаясь еще глубже погруженной в себя, следуя за все новыми и новыми тайнами внутри своего мира. Я хотел ей помочь, но она не верила, что нуждается в помощи, даже когда ее галлюцинации усилились, и она стала утверждать, будто чувствует, как за нею наблюдают из темноты.

Каждое слово выдергивало из Этты новую ниточку.

– Мне следовало отговорить ее от планов шпионить за Айронвудами, втеревшись к ним в доверие, но с тем же успехом я мог попытаться согнуть сталь голыми руками. А когда она на долгие годы исчезла, я боялся... был уверен, что она... оборвала свою жизнь.

Ее мать ни за что бы не сдалась. Не отдала бы свою жизнь просто так.

– Ты в порядке? – спросил он, нахмурившись.

«А кто бы на моем месте был в порядке?» – мысленно изумилась Этта, но вслух сказала другое:

– Почему же она спрятала астролябию вместо того, чтобы просто уничтожить? Это же единственный способ гарантированно вырвать ее из лап Айронвуда, разве нет?

– Мы возвращаемся к борьбе, длившейся годами, к спорам, бесконечно ходившим по кругу, – он наклонился к сумке, стоявшей у ног, вытаскивая дневник в обложке из темной кожи. – Это попало к нам около двадцати лет назад, когда умер твой прадедушка Линден. Дневник одного из твоих предков – древнего хранителя записей, собиравшего сведения из всех старинных дневников, который отслеживал все изменения временной шкалы. Согласно ему, уничтожение астролябии стерло бы все изменения исходной шкалы.

– Что означает, – подхватила Этта, – что вы бы получили ровно то, что хотите, – вы и ваша группа – первоначальную версию истории?

– Да, но какой ценой, – возразил Генри, положив дневник на стол. – Ты знаешь, что, когда путешественник умирает за пределами своего естественного времени, ближайший проход обрушивается?

Этта кивнула.

– Представь, каково это: потерять единственную вещь, которая могла бы вновь открыть его в случае, если кто-то оказался запертым в ловушке, вынужденный годами или десятилетиями прозябать в неблагоприятной эпохе, разлученный с семьей, – сказал Генри. – Раньше существовали тысячи проходов, сейчас осталось несколько сотен. Многие скажут, что, поскольку умираем мы чаще, чем рождаемся, наш образ жизни канет в лету с обрушением последнего прохода.

– Но не вы.

– Не я, – согласился он. – Я знаю, что не все используют проходы для собственных эгоистичных целей, как Айронвуд. Многим они нужны просто чтобы видиться с членами семьи или

с друзьями, не способными путешествовать, или чтобы проводить исследования. Даже твоя мать не желала рисковать потерей семьи в глубине веков. Но последние события убедили меня, что, если мы действительно хотим восстановить историю, жертвы неизбежны.

Жужжание в ушах наконец прорвалось, заглушая его слова. Часть ее отчаянно сопротивлялась тому, что он просил: она не хотела ни этого знания, ни цельной картины, сложенной из обломков.

– Бессмыслица какая-то! – воскликнула девушка, ненавидя сквозившее в голосе отчаяние; она желала найти в логике спасение для разувверившегося сердца. – Она хотела, чтобы я уничтожила астробию. Сказала мне прямо.

Если, конечно, Генри не врал, но зачем ему врать? Было бы логичнее всеми силами стараться убедить ее в необходимости сохранить прибор, расписав, что они намерены делать. Но ни один из ее внутренних красных флажков даже не колыхнулся. Генри, уставший рассерженный человек в глазах и голосе которого не было никакого расчета. Он действительно сам *верил* в то, что говорил.

– Тогда ей бы следовало вернуться к нам, пока она еще могла, но она не вернулась, – вздохнул Генри. – Вместо этого придумала сложный план, как заставить *тебя* делать ее работу. Подвергая твою жизнь опасностям на каждом шагу, она, что еще хуже, держала тебя в полнейшем неведении. Потому что – бог ты мой, – потому что ей нужно было, чтобы события пошли так, как требовало ее *особое предназначение*. Она знала, что Айронвуд рано или поздно узнает о твоём существовании и попытается использовать тебя, и *позволила* этому случиться.

Этта, тяжело навалившись на стол, выдала свое последнее возражение:

– Она сделала это, чтобы защитить мое будущее.

– Будущее Айронвудов, – мягко поправил он. – Я вижу, ты хочешь защитить ее. Вместо того, чтобы уничтожить астробию, она затеяла эту игру, чтобы подтвердить, укрепить свою веру в то детское видение. Вот единственная разгадка всей шарады.

– Потому что, если бы она хотела сохранить мое будущее, – проговорила Этта, не в силах справиться с комом в горле, – она бы велела мне защитить астробию, а не уничтожить ее.

Мать сделала ее средством уничтожения собственного будущего, утверждая, что это единственный способ его спасти. От боли у Этты перехватило дыхание.

Еще в детстве она поняла, что у одиночества свой тон – высокое скуление, обволакивающее тишину. Порой она сидела у двери спальни и смотрела, как мама рисует в гостиной, – тихая и любящая. Холодная и резкая. Этта тогда считала шуршание – ш-ш, ш-ш, ш-ш – кисти по холсту.

Стояла в тишине, спрашивая: «Ты видишь меня?».

Играла – концерт за концертом – пустому креслу рядом с Элис, спрашивая: «Слышишь меня?».

Ребенком она отправлялась спать вечером, оставляя одеяло в ногах, не гася света, пока не раздавался скрип закрываемой двери в мамину комнату. Тогда Этта выплакивала свой вопрос в подушку: «Думаешь обо мне?».

Всю свою жизнь Этта была тихой, целеустремленной, одаренной, заботливой и терпеливой, всегда готовой помочь, даже в невыносимом одиночестве родного дома. Теперь же она едва могла дышать. Она не могла слышать Элис, не могла прильнуть к этим воспоминаниям, потому что тогда ей пришлось бы признать, что единственного человека, заботившегося о ней, для нее, вместе с нею, уже нет. Ей пришлось бы увидеть свою жизнь не как цветок, распускающийся после долгих лет напряженного роста, но как орхидею, которую мама держала безупречно подрезанной и политой ровно в той степени, что требуется для выживания.

– Это неправда, – заявила она.

Но Генри молча смотрел на нее, теребя подбородок. Казалось, было еще что-то, что он хотел сказать, но придерживал: нечто, возможно, еще горшее.

– Неправда, – прошептала Этта.

Она поняла, что плачет, когда было уже слишком поздно сдерживаться.

– Я не... – начал Генри, силясь держать руки по швам. Его кулаки сжимались сильнее с каждым выдавливаемым словом. – Пожалуйста... Я даже не... Я даже не знаю, как тебя утешить, – он повторил, мучительно не желая признаваться в сказанном. – Не знаю, как утешать тебя – она не позволила мне узнать.

Этта, чувствуя, как растворяется в собственной боли, прижала кулак к горлу, пытаясь сдержать рыдания. Какая жестокость. Злобность. Как же мать должна была ненавидеть ее, чтобы заставляя обманом рушить собственную жизнь!

– Выходит, – сумела выговорить она, – все в ней, кроме равнодушия, было напускным.

– Ох, Этта. Этта! – он покачал головой, и что бы там ни удерживало его, пало. Тепло его пальцев окутало руки, она вздрогнула. – Этта, ты нужна мне, ты – целый мир, разве ты не видишь? Боже мой, у меня разрывается сердце, когда я вижу тебя такой. Скажи, что я могу сделать?

Гнев Генри казался настоящим, осязаемым, с каждым словом словно накапливался некий заряд, и Этта не знала, кто из них взорвется первым. Удивительно, она была благодарна, что он рядом, что его ярость горела вместе с ее яростью, отражая и подпитывая ее. Это снимало все сомнения, объясняло все бесчисленные ночи, когда она плакала, засыпая, и гадала, не станет ли этот день тем, когда мать наконец-то выслушает ее, или снова будет поглощен молчанием. Не будучи глупой, Этта, как правильно заметил Генри, оказалась ослеплена собственной любовью и бесплодными поисками материнской любви.

Однако хуже всего было не то, что ею пользовались, а побочный ущерб, причиненный планами Роуз относительно нее. *Николас*. Что бы он сказал – возненавидел бы ее, узнав, что причиной страданий стала, в конечном счете, именно ее семья, а не его?

Этту трясло, она пыталась скрыть дрожь, передвинувшись к другому краю стола, вдохнув поглубже, размазав слезы по лицу, пока не нащупала в себе новое спокойное течение, за которое смогла ухватиться.

– Не могли бы вы рассказать мне, что происходит? Мне нужно понять, что случилось. Все, что я знаю, так это то, что *ваши* люди чуть не убили меня и Ни... – она оборвала себя на полуслове, не желая ни с кем делить свои чувства к Николасу. Уж точно не с почти незнакомым человеком.

– И твоего... спутника? – бережно закончил он, хорошо понимая, что она чувствует.

– Напарника, – поправила Этта. – А еще они украли астролябию и усаkali с нею в сторону заходящего солнца. Следующее, что я помню: как проснулась посреди другой пустыни и другого столетия. Если те люди не с вами, то где они? И что произошло?

Генри вздохнул, снова выпрямляясь.

– Я скрывал от остальных, кто ты и как важна для меня, и раскаиваюсь в этом больше, чем способен выразить. Что касается всего остального, я понимаю, что ты прошла через тяжелое испытание, но не откажешь ли мне в прогулке на свежем воздухе? Показать намного легче, чем рассказывать.

Уинифред, которая, казалось, подслушивала под дверью, протянула Этте пару туфель, едва та вышла из кабинета. Когда Генри, накинувший на пиджак легкую куртку, нагнал девушку, Уинифред уже растворилась в тени коридора, как вправдашний вурдалак.

– Ни плаща, ни куртки? – удивился он, оглядывая ее с головы до ног.

– Дражайшая Уинифред, очевидно, не сочла это необходимым, – в тон ему ответила Этта. Один из стражей хихикнул в кулак, получив тычок в бок от коллеги.

Генри, казалось, слегка вздрогнул:

– Твоя мать тоже так ее называла.

– Моя мать встречалась с этой женщиной и обе выжили?

Уголок его рта приподнялся, и она, все еще испытывавшая неловкость и некоторую неуверенность, немного расслабилась.

– Я не говорил, что обошлось без травм.

– А я-то гадала, откуда у нее шрам на подбородке, – натужно пошутила Этта.

– Боюсь, это моих рук дело, – признался Генри. – По молодости лет мы были довольно жесткими партнерами по фехтованию. Тот шрам стал пополнением ее обширной коллекции, но, когда она вернула должок, – он показал на бледную тонкую полоску над левой бровью, – инцидент был признан исчерпанным.

Этта постаралась не морщиться. Кровь за кровь. Как похоже на Роуз Линден.

Мысль унеслась прочь, когда Генри накинул куртку ей на плечи.

– Достаточно? – спросил он. – Октябрь тут теплый, ты вряд ли замерзнешь.

Под его обеспокоенным взглядом Этта завернулась в куртку.

– Спасибо.

– Мы быстренько прогуляемся по улице, Дженкинс, – сказал Генри, повернувшись к смешливому стражу. Тот коротко поклонился и, стоило Этте с отцом двинуться по коридору, вместе с напарником последовал за ними. Девушка смущенно оглянулась, но Генри вернул ее внимание, предложив руку.

В обход величественной парадной лестницы, он повел ее по боковой – нарочито простой и функциональной, явно предназначенной для слуг. Спустившись на два этажа, они попали в большой гулкий вестибюль.

На входящих и уходящих смотрел портрет красивой молодой дамы в бархатном платье и бриллиантах, царственной, словно королева. Картину освещала огромная хрустальная люстра, каким-то чудом пережившая землетрясение, потеряв лишь несколько украшавших ее «перышек».

Дженкинс встал сбоку от тяжелой входной двери, вскоре к нему подскочили еще двое, все примерно одного роста, с одинаковыми темными волосами, у кого-то запыленными сединой, у кого-то нет. Этта на мгновение остановилась перед портретом, потирая больное плечо.

– Вам больно, мисс Хемлок? Дать что-нибудь обезболивающее? – спросил Дженкинс.

– О... э... нет, благодарю вас, – пробормотала Этта, спеша опустить руку. Болело ужасно, но она не хотела принимать никакие лекарства, – мало ли как они на нее действуют. – И я Спенсер, а не Хемлок.

– Ты – Хемлок до мозга костей, – легко усмехнулся Генри. – Молча страдать из-за неукротимой гордости. Дай лекарство, Дженкинс.

– Звучит и впрямь знакомо, – подмигнул Дженкинс. Этта снова поразилась сквозившему в шутках «для своих» дружелюбию.

Генри опять церемонно предложил ей руку, но Этта проскользнула мимо, все еще поглощенная пятью словами: «Ты – Хемлок до мозга костей». Как было бы легко, правда? Принять, с удобством отдаться своему положению, занять место, предлагаемое ей?

Он достал две белые таблетки из серебряной коробочки в кармане куртки.

– Аспирин, – с короткой улыбкой успокоил ее Дженкинс.

– Я в порядке, – сказала Этта, стараясь не выдать голосом настороженности. – Правда. Спасибо.

Генри, казалось, собирался настаивать, но, еще раз поглядев на ее лицо – распухшее и красное от слез, не сомневалась Этта, – передумал.

– Идемте, джентльмены?

Когда они стояли рядом, сходство между Генри и остальными настолько бросалось в глаза, что Этта задумалась, не могут ли они все быть родственниками. Хемлоками.

Если они – телохранители, то не могли ли быть и двойниками? Мысль пронзила ее, словно копье. Четверо мужчин, включая Дженкинса, плотно окружили ее с Генри, заслоняя со всех сторон. Этта ожидала, что они разойдутся подальше, когда шагнут в льдистый ночной воздух, но они не разомкнули живого щита, даже когда вся компания двинулась по крутой тропе вниз. В их движениях читалась отточенная четкость военных; Этте оставалось только гадать, от чего приходилось так защищать Генри.

Хотя она и так знала. *От Айронвудов.* Человек рядом с нею, как и ее мать, был заклятым врагом Сайруса Айронвуда, посвятившим десятилетия борьбе с ним.

Дойдя до поворота, они резко остановились. Только тогда Генри еле заметно подал знак рукой отойти на несколько футов. Мужчины неохотно подчинились.

– Итак, – сказал он, вновь обращая все внимание к ней, – скажи мне, что ты видишь.

Этта поймала себя на том, что опять рассматривает его, вглядываясь в профиль: нос с горбинкой, жуткого вида шрам у основания левого уха, которое кто-то явно пытался отрезать. Он попытался укротить волосы шляпой, но они выбились на свободу, выгибаясь вверх, навстречу сырому воздуху.

Она обернулась к холмам и улицам, разбегавшимся в разные стороны, притормаживая перед заливом.

– Я вижу... страдания. Дыры на месте домов. Искореженные здания.

Но, в целом, картина разрушений – в учебниках истории описанная размашистыми катастрофическими мазками – была жуткой, но не подавляющей. Пугающей, но не повергающей в ужас.

– То, что ты видишь, – это город, разрушенный сильнейшими подземными толчками, но избежавший пожара, который на самом деле и вызвал основные повреждения и гибель людей в известной тебе шкале времени, – объяснил Генри, засовывая руки в карманы. – А застань ты этот момент времени в шкале Айронвуда, ты бы не увидела здесь почти ничего: так сильно был опустошен город одним небольшим изменением, породившим более значительное.

Это не Айронвудова шкала времени. Этта снова повернулась к нему.

– Что за изменение?

– Айронвуд, преследуя свои интересы, точнее интересы владений своих предков в обеих Америках, изменил окончание войны. Русско-японской – слышала, конечно?

Этта покачала головой.

– Нет... Подождите-ка, это же было до Первой мировой войны, так? Территориальные споры?

– Конфликт интересов в Манчжурии и Корее, – уточнил Генри. – Когда стало ясно, что русские проигрывают, а дома у них разгорается пожар революции, Айронвуд убедил Теодора Рузвельта стать посредником в мирных переговорах, не дав войне продлиться еще несколько месяцев, как было в исходной временной шкале. Те месяцы стоили жизней многим русским и японцам, но в результате подхлестнули реформы в России, сберегая жизни миллионов россиян в Первой мировой войне.

Это было... невозможным.

«Как и путешествия во времени», – мрачно подумала она. Как и то, что она стояла здесь, в альтернативной версии истории. Налетевший озорной ветерок выхватил прядку волос, девушка бездумно пригладила ее. Вместо дыма и пепла ветер принес соленый запах моря, металлический привкус выхлопов и бесхитростную вонь человеческого жилья.

– Но как все это связано с землетрясением в Сан-Франциско? – удивилась Этта.

Генри полностью повернулся к ней.

– Я хочу, чтобы ты поняла, Этта. Я сочувствую тебе, тому, что твое будущее уже не такое, каким ты его знаешь. Мне знакома эта боль, чувство, что вся жизнь, все друзья и мечты – пропали. Всем нам приходилось смиряться с тем, что мы должны хранить верность самому

времени. Оно – наше наследие, наш народ, наша история. Но будущее, каким ты его знаешь: сплошные конфликты и войны – не имеет ничего общего со вселенной мира и согласия, существовавшей до того, как Сайрус Айронвуд решил его перекроить.

Этта осознала, что равно оплакивает как свои мечты о карьере скрипачки, так и Элис. Она едва вернулась к мысли, что еще может что-то получить от жизни, что все равно может играть, пусть и без одобрения толп восторженных поклонников. Но перспектива совершенно незнакомого будущего оказалась гнетущей.

– Каждое изменение, которое мы вносим – большое или маленькое – имеет последствия, которые мы не всегда можем предсказать, и почти никогда – контролировать, – продолжал Генри. – Война в России протягивает свои щупальца через годы, касаясь жизней каждого человека, перемещая их с места на место, изменяя принятые ими решения, пока один человек, Деннис Салливан – шеф пожарных Сан-Франциско – не оказывается не в том месте в момент подземного толчка и не погибает от ран, оставляя сотрудников, не имеющих достаточного опыта в обращении с динамитом, чтобы создать противопожарные разрывы. А тут еще женщина просыпается на несколько часов раньше, чем должна была бы, и решает приготовить завтрак на всю семью, вызывая один из самых опустошительных пожаров за целое столетие.

– Так... мы в... – начала Этта, пытаясь словами привести мысли в порядок. – Мы сейчас в исходной временной шкале? Люди, забравшие астроябию, смогли восстановить ее?

Генри кивнул, и этим кивком навсегда изменил жизнь, какой она ее знала.

– Мы годами разыскивали потенциальные ключевые события истории – события, а также людей и решения, имевшие грандиозные последствия, – объяснил Генри. – Это подтвердило нашу теорию, что одним из таких событий была Русско-Японская война, изменившая историю начиная с 1905 года. Айронвуд в основном сосредоточился на девятнадцатом и двадцатом веках, и, слава Богу, большая часть его изменений до этого времени были незначительными. До этих веков на кону не было больших сумм, чтобы беспокоиться или затевать крупную игру ради них.

– Но, к сожалению... – начала Этта, почувствовав муку, укрывавшуюся в его словах.

Он слабо улыбнулся:

– К сожалению, мы получили сообщения, что он уже отправил своих людей проверить, нельзя ли вернуть события в прежнее русло. Если промедлим, лишимся своего преимущества.

– Хотите сказать: промедлим с уничтожением астроябии? – уточнила Этта.

– За моими людьми, забравшими ее у тебя, по пятам следовали подручные Айронвуда. Один из наших, судя по полученной записке, убит. Выживший скрывается в России, по-прежнему владея астроябией, и ждет, когда мы его спасем, – пояснил Генри. – Сегодня мне предстоит сообщить остальным, что единственный путь – уничтожить прибор и вернуться к исходной временной шкале, к тому, какой она должна быть. Мы не можем оставлять астроябию в игре – стоит Айронвуду когда-нибудь взять ее в руки, он откроет проходы в новые годы, вызовет еще более разрушительные последствия для человечества. Ему наплевать, сколько людей погибнет или пострадает, лишь бы выжили он и его род. Он хочет еще, и еще, и еще, и, как стало ясно за все эти годы, никогда не насытится.

Пока не спасет любимую первую жену. Пока не получит все.

Этта плотнее закуталась в куртку, сберегая тепло.

«Какой она должна быть», – это выражение он использовал постоянно.

– Значит, вы верите в предназначение? По-вашему, что-то должно быть просто потому, что уже однажды было?

– Я верю в человечность, в мир и в естественный ход вещей, – ответил Генри. – Верю, что единственный способ уравновесить силу, которой мы обладаем, – чем-то пожертвовать. Принять, что мы не можем обладать чужими вещами и людьми, не можем контролировать все последствия, не можем обыграть смерть. Иначе все это не имеет смысла.

– Одного я никак не могу понять, – призналась Этта. – Если мое будущее изменилось, и моя жизнь уже не та, какой была, то не помешает ли мне это вернуться? Не отменит ли то, что я нашла астроябию и потеряла ее?

Генри отвечал так щедро и терпеливо, и Этта была так благодарна, что почти улыбалась.

– Мы живем за пределами обычных законов времени. Потому-то ты и помнишь свою старую жизнь, хотя ее больше не существует. Но время обладает своего рода чувствительностью и отвергает несообразности. Чтобы избежать их, оно сохраняет или восстанавливает столько наших действий, сколько может – даже перед лицом крупных изменений. Поэтому в твоём будущем ты по-прежнему совершаешь путешествие из того же места и времени, только, возможно, не выступаешь на концерте, а просто приходишь в музей.

«И, возможно, Элис остается жива», – прошептало ее сознание.

Эта искра надежды осветила ее от макушки до пяток.

Астроябию *нужно* уничтожить. Это не вызывало сомнений. В ней заключалось куда больше силы и власти, чем стоило вручать одному человеку, и Этта была готова пожертвовать своим будущим, зная, что тем самым хотя бы сдержит будущий урон. Но ей нравилось то, в чем убеждал ее Генри: им нужно думать не только о себе, но и том, как их действия отразятся на истинных жертвах игр Айронвуда: обычных людях, заложниках его прихотей.

Ее время, будущее, в котором она выросла, наступило ценой бесчисленного множества жизней, ценой огромных разрушений, и не только в среде путешественников, но и во всем мире. Возвращение временной шкалы к ее исходному состоянию находило отклик у той ее части, что так возмущалась, когда путешественники, способные вызывать благоприятные изменения, предпочитали не вмешиваться. Идеи Генри давали возможность вернуться к золотой середине, создавали фундамент новых правил для путешественников.

Она должна закончить то, что начала, и как можно скорее.

Но... Николас.

Николас, который ждал ее, заполнял ее мысли, как тот лавандовый рассвет. Она позволила себе раствориться в мыслях об одном и о другом, спокойных, светлых, необыкновенно прекрасных.

Я могу избавить его от этого. Он вообще не должен был впутываться. Если бы она смогла удержать его подальше от самого пекла, пока не удастся уничтожить астроябию, возможно, она могла бы начать разгребать хаос, в который ее семья превратила его жизнь.

– Я могу отправиться с вами? – спросила Этта. Окрепший ветер тянул ее за воротник, за волосы, словно спеша поскорее подтолкнуть на избранную тропу. – В Россию?

Генри недоверчиво посмотрел на нее.

– Ты уверена? Если тебе нужно отдохнуть еще несколько дней...

– Нет, я должна увидеть все своими глазами, – объявила она. – И не вздумайте оставить меня здесь «для моего же блага».

– И в мыслях не было, – ответил он. Этта лишь спустя мгновение поняла, что новый оттенок, прозвучавший в его голосе, – это гордость, и ей захотелось – чуть-чутьточку – услышать его снова. – Возвращаемся?

Стражи снова выстроились в походный порядок, и они зашагали, не тяготясь молчанием, обратно к роскошному пощаженному временем дому, возвышавшемуся над городом. Войдя внутрь, Этта пошла было к лестнице, но Генри направил ее налево, в большую чопорную гостиную. Фортепиано смолкло, но зато слышались оживленные разговоры и тяжелые шаги людей, круживших по залу.

Собиравшихся в путешествие, как выяснилось. Несколько человек набросились на остатки еды и выпивки, уцелевшие на столах. Другие сметали в кучи всевозможный мусор, третьи – сворачивали матрасы и постели, разложенные на полу. Еще больше людей, напротив, выкладывали свои вещи из мешков, подсчитывая припасы или обмениваясь ими друг с другом.

Хотя многие были одеты по строгой моде эпохи, не менее половины носили разноцветные шелковые или шифоновые балльные платья или парадную военную форму. Женщины в углу помогали друг другу с укладкой волос в хитроумные прически, то и дело хватая малышей, нарезающих петли вокруг ног взрослых. Их смех тронул Этту до глубины души, отдаваясь эхом в ожесточившемся сердце.

Здесь проходила граница миров: рассвет встречался с ночной тьмой, прошлое – с настоящим. Людей здесь собралось желание продолжать свое дело в убежище, но, в еще большей степени, их объединяло тайное, особое место, излучавшее теплоту и свет, даже когда очаг отсырел, а свечи задуло ветром.

Этта отступила было назад, но Генри ввел ее в зал. Ему не потребовалось ни слова, чтобы тишина упала, словно тяжелый занавес.

Даже дети повернулись к нему с широко раскрытыми глазами, сверкая жемчужными улыбками. Один протянул ладошку, к очевидному смущению матери. За спиной Этты Генри порылся в карманах, морщась, словно стараясь прокопаться сквозь воображаемые залежи всякой всячины. Наконец, на свет появилась маленькая конфетка в бумажке – схватив ее, мальчуган, хихикая, нырнул за мамины юбки.

Но конфета не смогла отвлечь остальных от изучения Этты. Ужас, от которого все сжималось в груди, заставил ее вновь почувствовать себя маленькой девочкой, впервые вышедшей на сцену.

Но я больше не та девочка. Не после всего, через что пришлось пройти.

– Сходство ограничивается чертами лица и цветом волос, – удалось выговорить ей, неопределенно махнув рукой куда-то вверх.

Наступило мгновение, когда откровенная враждебность на лицах сменилась смущением. А потом женщина – та самая мама – засмеялась. Остальные с облегчением подхватили, и, словно шкала времени, о которой рассказывал Генри, смех пошел рябью по комнате, пока не охватил ее всю.

– Вечером нам нужно как следует обсудить дальнейшие действия, – сказал Генри, положив руку Этте на плечо, – но я прошу вас об удовольствии представить вам мою дочь Этту.

– Ух ты! – выкрикнул кто-то из задних рядов, прорезав удивленную тишину. – Полку Хемлоков прибыло! Самое время нам в кои-то веки превзойти Жакаранд! Поздравляю, старина! И добро пожаловать, куколка!

Генри закатил глаза, но улыбался так широко, что даже порозовел.

Едва удивление схлынуло, остались только свист и крики, от которых настала очередь Этты впасть в ступор. На нее кинулась волна женщин: все стискивали ей руки, поглаживали по плечу под отцовской курткой, где проглядывали бинты, и тараторили, перебивая друг друга, так что Этта за ними не поспевала.

– ... держал тебя где-то...

– ... а мы-то все думали, куда он запропастился...

– ... какая красавица...

Но среди множества голосов один, холодный и невозмутимый, перекрывал их всех. Уинифред подошла к ним сзади, тронув Генри за плечо. Он отвернулся от мужчин, хлопавших его по спине и бесперечь пожимавших руку.

– Это существо, на сотрудничестве с которым вы настаиваете, явилось и готово что-то сообщить, – объявила она. – Велеть ей подождать?

Генри поднял брови. Заинтересованно.

– Нет, нет, я ждал ее доклада несколько дней. Она внизу?

Женщины все глубже затягивали Этту в сообщество Тернов, жадно принимая ее, наперчивая воздух вопросами. Она обернулась, ища темную шевелюру Генри, и увидела, как тот выходит за дверь, обратно в коридор.

В утреннем свете, проникающем сквозь высокие окна, она разглядела миниатюрную фигурку, ожидающую у входной двери. Джулиан тоже был там, непринужденно с нею беседуя. Он игриво ткнул ее в плечо, и, кем бы ни была эта незнакомка, она ответила ему, не шутя: сильный удар по солнечному сплетению заставил ловеласа согнуться и попятиться, поперхнувшись смехом.

Когда подошел Генри, незнакомка напрочь забыла о Джулиане, выпрямилась и перекинула длинную чернильно-черную косу через плечо. На ней была васильковая шелковая туника с рукавами, расшитыми сложным узором, застегнутая под самое горло. Когда Генри начал говорить, она засунула руки в рукава и направилась к лестнице, заблестев переливчатыми брюками свободного кроя в тон туники. Не успев поставить ногу на первую ступеньку, девушка оглянулась, заглядывая в комнату, и поймала взгляд Этты. Ее рот недоуменно приоткрылся. «Что же, – задумалась Этта, – принесла эта девушка, что так ждал Генри?»

Джулиан помялся у дверей, глядя на остальных, пока один из стражей – Дженкинс – не замахал на него рукой. Очевидно, на празднике Тернов Айронвуды были лишними.

Этта снова повернулась к обступившим ее мужчинам и женщинам и на этот раз заглушила все вопросы и сомнения, преследовавшие ее сквозь столетия. Она открылась приветливо протянутым к ней рукам и нашла облегчение.

Семья.

«Так должно быть, – думала она. – Именно так все и должно было быть».

Но на краю сознания маячило лицо: Николас.

Один, в пустыне, веющей жаром и ослепляющей зноем.

«Я иду, – мысленно сказал она ему. – Держись, я найду тебя».

Прага

1430

9

Николас, вдыхая мглу и холодный туман, поразился, вспомнив слова Джулиана, сказанные однажды: «Все города завидуют Парижу, а Париж завидует Праге». Укрывшись в нише здания, где их выбросил проход, он видел перед собой только оживленный открытый рынок. Погода испортилась, ночь вступала в свои права, прилавки стремительно пустели. Шаги и колеса телег стучали по брусчатке; разношерстная толпа в нехитрой цветастой одежде спешила прочь от дождя, разнося удивленный смех и крики. Николас надеялся, что его штаны и рубашка окажутся достаточно неприметными, чтобы не выделяться на местном фоне, но встревоженно понял, что это не тот случай; если только он не хочет примерить на себя роль крестьянина и разорвать свою одежду. Мужчины этого времени носили камзолы и жилеты, делавшие их похожими на нахохлившихся голубей, или, если ткань была бледной, на огромные яйца на ножках.

Он повернулся к Софии, обнаружив, что она скинула жакет, вытащила рубашку из брюк и стянула ремнем наподобие туники. Возможно, не совсем то, но и не столь вызывающе *не то*. По крайней мере, штаны у обоих остались неразорванными. Слабое утешение, но все же.

Хотя цвет кожи беспокоил Николаса меньше, чем в тех эпохах, через которые они прошли по пути сюда, он засомневался, удастся ли убедить местных, что он мавр или турецкий купец. Слава богу, улицы города хотя бы на время оказались темными и пустыми, и он хотел этим воспользоваться.

Конечно, до того, как покинул укрытие и как следует осмотрелся.

Теперь он понял, о чем говорил Джулиан. Ноги ни с того ни с сего взбунтовались, отказываясь идти вперед. Под струями дождя, стекавшими по лицу, пропитывавшими одежду, он, не отрываясь, глядел на два шпиля готической церкви. Пряничные фасады тянулись к низким облакам, четкие изгибы и углы фронтонов и шпилей светились в почти волшебном свете. Сперва они показались ему простоватыми, но Николас с восторгом обнаружил, что город бросает ему вызов, не открываясь с первого взгляда. Дороги и проулки, разбегавшиеся от рынка, ныряли в тень, маня тайнами. Место казалось неправдоподобным, словно бы чьим-то сном, запечатленным в камне и дереве.

София дала ему подзатыльник, выводя из задумчивости.

– «Надо поторапливаться! Нельзя медлить!» – передразнила она его. – Поэтому давай встанем столбом и будем глазеть по сторонам у всех на виду.

Несмотря на клятву не обращать внимания на ее колкости, Николас почувствовал, как ошетинивается:

– Я...

– Добрый вечер, милая леди и любезный сударь.

Николас резко развернулся, ища сквозь завесу дождя источник тихого голоса. В нескольких футах позади стоял белокурый мальчик в цвета золота и слоновой кости камзоле и жилете, забрызганных грязью и дождем чулках, и хмурился, глядя на них. Перо на его щегольской шапочке поникло и с хлопком вывернулось, когда он склонил голову.

– Моя госпожа приглашает вас на чай.

Если честно, горячая чашка чая казалась благословением небес. Но, прежде чем Николас успел согласиться, София ответила:

– Мы предпочитаем вино.

Он мог бы с этим поспорить, и очень решительно, но мальчик раздулся от важности и изящно поклонился. София ухмыльнулась Николасу, и он заподозрил, что что-то пропустил... какой-то шифр.

– Не соблаговолите ли вы с вашим... гостем... последовать за мной?

Золотой мальчик повел их вокруг башни и Николас снова замер как вкопанный, увидев огромные часы, испещренные символами, гербами, картами. На вид эти хитросплетения напомнили ему астроблабю. София подошла к нему, прищурившись:

– Можешь убрать это нелепое выражение с лица? Это астрономические часы.

Ее слова не сказали ему ничего, кроме того, что эта огромная астроблабля служила скорее для определения времени, чем для его искажения. Мальчик петлял по улицам Праги с легкостью местного жителя, не обращая внимания на шедевры, вросшие в кожу города. Следующего за ним Николаса настолько поглотили городские чудеса, что ему потребовалось некоторое время, чтобы заметить происходящие вокруг странности.

Он сбавил темп, пытаясь понять, не обман ли это зрения... Николас ужасно устал и едва волочил ноги. К ним приблизилась очередная группка людей, предоставив еще одну возможность проверить. И... *снова*. Он втянул воздух, глядя, как солдаты, девушка, старик, несмотря на дождь, остановились и повернулись к ним спинами, пока они с Софией и мальчиком проходили мимо.

– Что ты все фыркаешь и пыхтишь? – поинтересовалась София. – Бормочешь, как выкипающий чайник.

– Нас чураются, – сказал он, понизив голос, чтобы ребенок не расслышал. – Или нашего провожатого.

Недоуменный взгляд Софии перерос в плохо подавляемое изумление, когда он проиллюстрировал свои слова, шлепая по лужам узкой улочки. Что сбивало с толку больше всего, так это то, что, вопреки недвусмысленности действий, люди не показывали никаких намеков на отвращение или презрение. В их глазах не было ни усмешки, ни ненависти, ни подозрения. От лиц пражан веяло спокойствием мраморных статуй, и, стоило троице пройти, люди снова поворачивались и как ни в чем не бывало продолжали свой путь.

Оглянувшись через плечо, мальчик, должно быть, уловил волнение Николаса, потому что вдруг сказал:

– Не тревожьтесь, сэр. Они ничего не могут с этим поделать.

Это значило... что именно? Их принуждали? Да так единообразно?

– Ой, я и забыла, – пробормотала София, отмахиваясь от попыток Николаса вовлечь ее в загадочную тайну. – Хитрость, чтобы отсечь ненужных свидетелей. Дедушка – Айронвуд – считает, что Белладонна отвалила всем в этом городе столько золота, что они даже имя ее не смеют выдохнуть, не говоря уже о том, чтобы обращать взгляд на нее саму или ее гостей.

Хотя в любую эпоху деньгам было под силу купить многое, происходящее казалось на ступеньку выше обычной сделки. Николас подошел к ближайшей женщине, похожей на служанку: постарше, в одежде без украшений, с прикрытой мешковиной корзинкой овощей в руках. Она оставалась невероятно спокойной, даже когда Николас подошел поближе, изучая безучастное лицо, и рискнул легонько дотронуться до женщины.

Она не шелохнулась. Даже не моргнула.

– Ты говорила, она не ведьма, – прошипел Николас, догоняя Софию с мальчиком. – Клялась!

– Она *не* ведьма, – возразила София, оглядываясь через плечо на женщину, которая встряхнулась, словно выходя из глубокого сна, и продолжила свой путь. Николас не упустил редкую вспышку неуверенности на ее лице, когда девушка призналась: – По крайней мере... я в этом не сомневаюсь.

Наконец, мальчик привел их на улицу, застроенную роскошными особняками; точнее, маленькими дворцами, с дверьми, способными, судя по всему, выдержать таран, и окнами, в которых мелькали свет свечей и вороватые взгляды слуг.

В самом конце улицы, за пышным пражским богатством, притаилась тесная лавка, завалившаяся так, что окна и дверь стояли под углом. Над окном, затянутым шторой, не было никакой вывески. Николас погладил пальцами Эттину сережку, висевшую на кожаном шнурке, вздохнул, чтобы успокоиться, и вошел вслед за Софией. Лавка выкашлянула теплую пыль и запах прелой земли. По комнате, словно путеводные звезды, были расставлены десятки свечей. Однако тусклый свет лишь придавал полкам с бутылками и кувшинами, частью треснувшими и полупустыми, еще более грязный и запущенный вид, чем кружево опутавшей их закопченной паутины.

Половина полок прогнулись или сломались, просыпав забытое содержимое на пол. Свечной воск капал на витрины и стулья, изношенные или вообще сломанные. Как Николасу ни хотелось оказаться в теплом доме, чтобы обсушиться и согреться, весь этот тлен будил только непреодолимый зуд по всей коже.

– Мадам! – прокричал мальчик.

Малиновый занавес за дальним прилавком зашуршал, и из-под портрета ребенка с кукольным личиком вышла молодая женщина. Волосы, словно вороново крыло: черные с естественным блеском, заиграли в свете свечей даже без приколотой к ним золотой с жемчугом сетки. Висевший на шее тяжелый золотой крест нырял в низкий лиф землянично-розового шелкового платья – наряд совсем не вязался с клубившейся вокруг пылью. Лицо с огромными глазищами и полными губами приковывало взгляд, да так, что Николас шагнул к женщине без видимой на то причины. Мысли, силясь разобраться в самих себе, размякли по краям.

Женщина приласкала мальчика, склонившись, провела пальцем по его переносице, со сладкой – чистейший мед – улыбкой. Он кивнул в ответ на ее шепот и радостно подскочил к стоящему неподалеку табурету, схватив тонкую книгу в кожаном переплете.

Женщина мерцала в свете свечей, улыбаясь гостям. Ее кожа, золото, бисер и металлические нити, пронизывающие платье, – все взывало, ярко и смело. Свет поймал ее, словно пламя на стекле.

Николас отшатнулся, склонил голову набок, чтобы получше ее рассмотреть. В том, как она, не двигаясь, мерцала, словно свечи, горящие на прилавке, было что-то, что заставило его усомниться в своих глазах.

– Видишь? – усмехнулась София. – Я же говорила: скоро ты и думать забудешь о Линден.

Он повернулся к ней, цепляясь за слова, которые еще секунду назад теснились на кончике языка. Все было не так. Николас не чувствовал натиска влечения, сбивающего с ног, как с Эттой, но... это было... ближе к приступу, наступающему, если выпить слишком много виски на пустой желудок. Недуг.

– Добро пожаловать, – сказала женщина так тихо, что Николас с Софией снова шагнули к ней, чтобы расслышать. Свечи повторили их движение, и, всего на мгновение оторвав взгляд от женщины – Белладонны, – он заметил, что среди вонючего множества разбухших сальных свечей одна горела кроваво-красным.

– Добро пожаловать, уставшие странники, – сказала она, на этот раз с улыбкой, обнажившей прекрасные белые, словно жемчужины, зубы – неслыханные для этой эпохи. – Чем я могу помочь вам?

Эта женщина? Та самая, что сражалась с Сайрусом Айронвудом и обрела независимость? Возможно... ее загадочное очарование... способно растопить даже каменное сердце?

– Мы прибыли купить сведения, – ответила София, опершись рукой и бедром о прилавок.

Николас поднял взгляд на слабо выгнутый свод потолка, недо-купол. Большую его часть покрывала влажная пелена пыли и плесени, побуревшая от времени, но то тут, то там видне-

лись идущие по краю мистические символы. На вершине сиял серебром большой лунный серп, наполовину скрытый нарисованными вокруг темными облаками.

– Я обладаю множеством прекрасных вещей, – уклонившись от прямого ответа, сказала женщина. – А еще обо многих слыхала.

– А можно безо всей этой шелухи сразу перейти к делу? – поинтересовалась София. – Меня заверили, что вы знаете всех и вся. Если это не так, мы пойдем в другое место.

– Возможно, вы могли бы немного подробнее описать, что именно ищите? – слова Белладонны лились, словно их издавала скрипка.

– Мы ищем сведения, касающиеся, – проговорил Николас, – путешественников особого толка.

– Возможно, ты мог бы изъясняться чуть менее конкретно и гораздо более уклончиво, – качая головой, пробормотала София. – С *удовольствием* встречу здесь следующее столетие.

Под половицами раздался звук: топот, от которого, казалось, трещали даже балки над головой. С ближайшей стены сорвался портрет бледного мужчины и упал рядом с мальчиком. Когда позолоченный угол ударился об пол, портрет выбросило из рамы. Шаги протопали под ними – София вытянулась и вслушалась. Николас положил руку на висящий на боку нож:

– Что за черт? – спросил он.

Женщина безмятежно улыбнулась.

– Я продаю лучшие эликсиры. Возможно, вас заинтересует домашний набор для вашей прелестной супруги?

– Он не про то, тупая ты корова...

Слова Софии оборвал исполинский удар двери о стену позади нее и внезапное появление черного клубка, расшитого серебром шелка и кружев. Едва появившись на пороге, клубок покатился к ним с силой и яростью грозовой тучи.

Женщина ростом почти с Николаса шагнула вперед. Нижнюю половину ее лица скрывала вуаль черного кружева, глаза светились кошачьим желтым. Три мелких жемчужинки – то ли продетые в кожу, то ли державшиеся неким искусством – тянулись вниз из уголков ее глаз, словно слезинки. Декольте скромно прикрывала сплошная вставка из белой ткани, а то, что Николас сперва принял за кружево – поднимающиеся и закручивающиеся линии – оказалось татуировкой. Когда она повернулась к Софии, Николас заметил, что ее белоснежные волосы заплетены и подвязаны причудливой петлей.

– Кто...? – женщина наклонилась к Софии, принохаясь.

София тихо вскрикнула от удивления, отмахнулась, но женщина уже двинулась дальше. Николас инстинктивно отскочил, когда она обратила внимание на него и тоже обнюхала, похрюкивая при этом, словно свинья, раскапывающая особенно вкусный трюфель, и поклацывая зубами за вуалью. Он уловил ее запах: землистую нотку, которую почувствовал еще при входе в лавку.

– Мэм, – начал он со всем хладнокровием, на которое оказался способен, – не будете ли вы так добры...

Она повернулась, распространяя запах влажной земли и лаванды.

– Господин, пожалуйста, позвольте мне показать вам наши новые поступления, – с неугаваемой улыбкой проговорила женщина за прилавком. Другая посмотрела сначала на нее, потом на мальчика.

– Загаси ее, – если первая женщина слова выпевала, то вторая перемалывала зубами.

Отметив место в книге, золотой мальчик подошел к прилавку, положил обе руки на его пыльную поверхность и подпрыгнул как можно выше, задувая красную свечу, привлекающую внимание Николаса.

Белладонна исчезла, растворившись в свечном дыме, потянувшемся к скрипящим стропилам. Уладив дело, мальчик вернулся к табуретке и, подняв книгу, вновь погрузился в чтение.

София прыгнула вперед, с диким выражением лица заглянув за прилавок в поисках женщины, встретила взглядом с Николасом, снова заглянула и покачала головой.

Исчезла. Пропала.

Невозможно.

Наверное, ему следовало признать, что они приближались к теням сверхъестественного. Николас решил, что нужно быть настороже и, как ни мало верил в высшие силы, поймал себя на том, что повторяет за капитаном Холлом: «Господи, спаси и сохрани».

– Как...? Она...? – Николас не был уверен, что хочет спрашивать.

Женщина в черном снова метнулась к Софии; та схватила с пола книгу в кожаной обложке и швырнула ей в голову, промахнувшись буквально на дюйм. Принюхавшись еще шумнее, женщина, в конце концов, протянула руку, «капая» серебристо-черными кружевами с рукава.

– Иди сюда, зверушка.

София отступила назад. Прежде чем Николас успел рвануться к ней, женщина схватила ее за руку и крутанула, словно чтобы отшлепать. Одним плавным движением Белладонна задрала рубаху Софии сзади, выдернув что-то из-за пояса. На мгновение Николас подумал, что это очередной обман зрения, потому что, когда ее рука вынырнула, в ней оказался длинный тонкий клинок с отломанной рукоятью – зазубренный коготь. Основание украшало большое кольцо с хитросплетением тонких серебряных лент.

– Боже! – вырвалось у Николаса, когда женщина, махнув острием под носом, удовлетворенно втянула воздух. – Он все время с тобой? – спросил он Софию. – Но откуда?

Стоило только словам слететь с его губ, как он догадался. Тело стража Линденов в Нассау с маленькой раной в ухе. Подоспев к нему первой, она подобрала клинок в ночной тьме, так, что он ничего не заметил. И держала его... зачем, собственно? Его живот окаменел, когда он представил, с каким удовольствием она прирежет его во сне.

София даже не посмотрела в его сторону.

– Откуда вы узнали, что он у меня?

Николас заподозрил, что вопрос адресован настоящей Белладонне.

– Кровь пахнет тухлыми козьими кишками, – прорычала женщина. – Сгодится за входную плату.

Держа клинок над свечами, Белладонна изучала что-то на кольце, Николас не мог разобрать, что... может, выгравированное солнце. Дыхание колыхало вуаль, прикрывавшую рот.

– Плату? – Николас расслышал недоверие в собственном голосе.

– Да, зверушка. *Плату*. Здесь заключаются сделки. Или ты ждешь, что я предложу вам выпивку и луну с неба?

– Сведения подойдут? – оглядывая женщину со своей обычной подозрительностью, поинтересовалась София.

– Зависит от того, что именно вы хотите приобрести, – ответила Белладонна. – Я предпочитаю обмен. Время от времени. Мальчик, закрой лавку.

– Да, мадам, – у него достало дерзости бросить на нее раздраженный взгляд – дай почтись! – но проигнорировать приказ он не осмелился.

– Детишечки, – пропыхтела Белладонна, ведя Николаса с Софией к двери за прилавком. – Только на закуску и годятся.

София подавилась удивленным смешком, а вот Николасу не показалось, что ведьма шутит, учитывая, как буднично, с потрясающим пренебрежением, она крутила лезвие.

– Она может пойти со мной, – заявила Белладонна, кивая на Софию, спускаясь по темной лестнице, – а ты катись к дьяволу, тюфяк, раз не понимаешь шуток. И да... на вашем месте я бы задержала дыхание на последних ступеньках. Грохнетесь в обморок – скатитесь на свой страх и риск.

– Простите? – уловив намек на что-то смутно гниlostное, Николас поймал себя на том, что делает, как велели.

Подвал, освещенный слабым оранжевым туманом, ползущим по ступеням вверх от расположенных внизу огней, находился двумя пролетами ниже. Николас смутно припомнил слова Джулиана о подземном городе в некоторых частях Праги, где горожанам пришлось надстроить улицы и дома, чтобы избежать затопления. Создавалось ощущение, что они пробираются по темной вене к бледным костям города.

Свет исходил от очага в углу мастерской. Первую небольшую клетушку, через которую они прошли, в основном заполняли травы, развешенные на просушку, и, как показалось Николасу, инструменты стеклодува. Узкая неровная каменная артерия соединяла комнату со следующей. В самом центре располагалась печь, камни которой укладывались друг на друга, словно коржи. Печь окружали бутылки, многие с длинными, полыми трубочками для переливания жидкостей в незамысловатые бутылки пониже. Проходя мимо, Белладонна наклонилась, раздувая небольшое пламя, горящее в печи.

Следуя за ведьмой, София с Николасом уткнулись взглядом в колоколообразную печь с небольшими отверстиями, бочонками и снующими вокруг мышами.

– Вы алхимик? – спросила София, пытаясь осмыслить странную обстановку.

– Точно подмечено, – невозмутимо кивнула Белладонна. – Балуюсь. Могу предложить тебе мои эликсиры молодости, зверушка. Выглядишь старше своих лет.

Николас схватил Софию за плечо, прежде чем жажда убийства, отразившаяся на ее лице, успела вырваться на свободу.

Еще один коридор – и они у цели: в маленькой темной комнатке. Единственным ее обитателем оказалась картина шириной во всю стену. Взгляд Николаса упал на луну, светящуюся посреди темных облаков, потом на волны, омывающие пустынный, незнакомый берег.

– А теперь, – велела Белладонна, – ничего не трогайте, не смотрите в зеркала, не садитесь на мои стулья и, прежде всего, помните, что воров покарает древнее правосудие.

София саркастически отсалютовала, а Николас положил руку на нож.

Не говоря больше ни слова, Белладонна повернулась и вошла в картину.

Неизвестно

Неизвестно

10

Разумеется, это оказался проход... странно бесшумный проход, расположенный прямо перед нарисованным небом. Когда Белладонна прошла через него, воздух замерцал, нарушая умиротворенную картину побережья, и тут же в уши ворвался привычный рев.

София и Николас повернулись одновременно, выжидающе посмотрели друг на друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.